ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВСЕМИРНЫЕ ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ

№ 1 (53) Март. 2004 год.

6 марта Михаилу Михайловичу Жванецкому, Президенту всемирного клуба одесситов, Почетному гражданину Одессы, писателю исполнилось 70 лет. Желаем счастья, здоровья, долголетия, неувядающего таланта.

МЫ ОПЯТЬ СОБЕРЕМСЯ

Я представляю группу одноклассников 1944 года рождения, т. е. школу мы окончили аж 43 года назад (и в этом году мы стали "шестидесятниками": нам исполняется по шестьдесят).

Наш выпуск примечателен. Начиная с 8-го класса, мы были одним старшим классом, т. е. параллельных классов не было. И мы стали последними выпускниками средней школы № 133. После нашего выпуска, в 1961 г., СШ № 133 была "влита" в школу № 99 и перестала существовать.

У нас был очень способный класс: на двадцать одного выпускника — 4 золотых медалистки.

Но основная наша особенность, за что нас любили все учителя, — мы были очень дружны. И главная заслуга в этом принадлежала нашему классному руководителю, нашему Учителю-Другу.

Михаил Исаевич Лернер пришел к нам в середине года в 7-м классе учителем английского языка. А в 8-м стал нашим классным руководителем. Мы были его "первенцами": раньше Лернер классруком не был.

Несмотря на свою молодость, Михаил Исаевич оказал на нас огромное влияние. Он учил нас жить и отдыхать активно и содержательно. Какие интереснейшие вечера наш класс проводил для всей школы!

Но особенно потрясающе вспоминаются наши бесчисленные "вылазки на природу". В любую погоду и любое время года. С Михаилом Исаевичем мы неоднократно прошли все одесское побережье от Григорьевки до Ильичевска. А наша поездка с ночевкой на Днестр!

Можно смело сказать, что школа сплотила нас на всю жизнь. После окончания школы мы неоднократно встречались. И не представляли себе встречи без нашего Учителя. И он всегда приходил, отложив какие-то свои дела.

Правда, лет через 25, когда кто-то уехал в другие города и страны, кого-то "засосала" повседневщина, встречи прекратились, и даже звонили друг другу не все и крайне редко. Одним словом, стали теряться.

И только две Лены, Россова и Алиевская, сохранили ниточку связи с Михаилом Исаевичем. Все остальные тоже не забывали, но помнили как-то пассивно.

И вот в год 40-летия окончания нами школы наш Учитель опять нас объединяет. Он не забывает нас и, уже проживая с семьей в другой стране, сообщает свои координаты Лене Россовой.

Нельзя было не откликнуться! А когда я позвонила и поговорила с Михаилом Исаевичем, получила какой-то особенный импульс, после чего не могла не разыскать всех, кто остался в Одессе, да и не только их, и не передать им привет от Учителя.

И мы встретились. Наш уже не 1-й и не 10-й, а 51-й класс. Это было потрясающе! Мы пробыли вместе целый день. Мы забыли о своем возрасте, своих заботах. Мы как будто сбросили 40 — 45 лет. Без умолку вспоминали десятки забавных случаев. Очень сожалели, что с нами не было нашего Друга — Михаила Исаевича. А еще мы решили, что будем встречаться каждый год.

И действительно: через год, в августе 2002-го, мы встретились опять. Издалека приехала на встречу Лена Алиевская. Встречались мы и в 2003 году. И опять было так же весело и здорово.

И в этом, 2004, году, в августе — сентябре мы опять соберемся. Мы будем счастливы, если наш Друг-Учитель сможет присоединиться к нам. Было бы здорово, если бы в Одессе оказались наши уехавшие друзья: Галя и Люда Смирновы, Боря Гержой, Женя Бычков, Миша Кушнир.

Может быть, эта весточка попадет на глаза двум потерявшимся после школы Людам: "Люда Кузь и Люда Крохмалюк, отзовитесь. Мы вспоминаем вас и будем рады услышаться".

А теперь — самое главное.

28 марта — день рождения нашего Учителя!

Дорогой Михаил Исаевич!

Мы поздравляем Вас. Шлем наши самые теплые пожелания. Мы всегда вспоминаем Вас, даже, если не звоним и не пишем, с огромным уважением и любовью. Желаем Вам здоровья, и пусть никогда не угасает Ваш безграничный интерес ко всему окружающему.

От имени одесситов:
Нины Балашовой, Иры Беззуб, Лили Катревич, Гали Лодыженко, Иры Мельник, Лоры Омельчук, Алика Пучкова, Славы Рогачева, Лены Россовой, Аллы Снегульской, Лиды Третий, Феликса Штрайта, а также жительницы Брянска Лены Алиевой —

Галя Гниличенко.

P. S. Мой домашний телефон для связи в Одессе: 34-59-65.

ПАМЯТЬ

Мы, живущие сейчас в Соединенных Штатах, со скорбью узнали о том, что в Одессе скоропостижно ушел из жизни Геннадий Групп.

Сначала инженер, а потом издатель, он был эрудированным, талантливым человеком, незаурядной личностью. Это большая потеря для его жены Инги, для родственников и друзей, — а также для авторов книг, вышедших в свет только благодаря полублаготворительной деятельности издательства "Инга".

Для многих авторов ланные книги были первыми. А две разные книги стихов Игоря Павлова выпущены были за счет издателя, человека отнюдь не богатого, — в качестве подарка другу-поэту и его читателям.

Думается, что неброский, но тем не менее весомый вклад Геннадия Группа в культурную жизнь Одессы не затеряется среди множества ее более громких свершений.

Беня и Рита Александровичи, Лев Альбурт, Леон и Алла Арзуняны, Эдвиг и Валентина Арзуняны, Леонора и Мозес Берковичи, Фешкс Золотинский и Раиса Шиелева, Ролина и Александр Левины, Григорий Резников и Ирина Неймарк, Александр Сапожников, Хаим Токман, Мила Финкельштейн, Ян Юрик.

ИЩУ ОДНОКЛАССНИКОВ

Буду признателен всем, кто отзовется на мой запрос. Ищу одноклассников по 3 — 8-Г классам школы № 119 за период с 1957 по 1961 год. Также разыскиваю всех, кто обучался в Одесском станкостроительном техникуме с 1962 по 1966 год. Живу в Москве. Не так далеко, но и не близко. В Одессе не был уже лет 10, а друзей растерял в годы массового отъезда. Буду ждать и надеяться.

Валерий КАЦ.
walerl@mail.ru, ICQ: 10099134

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Здравствуйте. Я, пожалуй, начну. Одесса — мой самый любимый город. Я от него очень далеко. У вас в городе очень много моих родных и близких мне людей. Надеюсь вскоре приехать к вам навсегда. Живу я в России, в городе Магадан. Очень тоскую по Одессе и по одному человеку, который в данный момент там находится. Мы с ним и познакомились в этом чудном городе. Я так люблю ночную Одессу. В это время в ней начинается жизнь.

Я вас всех очень люблю и скучаю. Спасибо за то, что вы есть.

Карина (Киришка).

ДОРОГИЕ ВЫПУСКНИКИ 47-Й ШКОЛЫ

28 сентября 2004 года исполнится 100 лет со дня рождения Бориса Львовича Кремера.

Учитель, воин Великой Отечественной, судьба которого неразрывно связана в послевоенные годы с нашей школой. Учитель от Бога, преданный своей любимой математике, человек незаурядных способностей и педагогического такта, он вызывал любовь и большое уважение коллег, учеников, воспитывая в них трудолюбие, умение преодолевать трудности, желание постичь вершины науки. Поэтому сегодня школа может гордиться его последователями, внесшими большой вклад в развитие математики, физики, техники и других наук.

Это академик УАН, член-корреспондент Алексей Козлоба, доктор технических наук А.А. Вассерман, профессор, доктор физико-математических наук Анатолий Бурштейн и многие другие.

Школа готовится в сентябре следующего года отметить 100-летний юбилей талантливого педагога и прекрасного человека целым рядом мероприятий.

Коллектив школы просит откликнуться учеников Бориса Львовича и посвятить ему свои воспоминания; в память о нем мы обращаемся к выпускникам разных лет с просьбой помочь приобрести оборудование для компьютерного класса.

Исходя из необходимости освоения новых технологий в изучении многих предметов, современного подхода к предъявленным жизнью требованиям, просим оказать материальную поддержку школе. Открытие такого класса станет признанием заслуг Б. Кремера перед школой и выражением признательности благодарных учеников.

Перечисление денежных средств осуществляется по следующим реквизитам.

Получатель: филиал ОАО "МТБ" в г. Одесса.

Счет получателя: 26208208791.

Банк получателя: ОАО "МТБ".

ОКПО 23988497, МФО 328168.

Назначение платежа: "Перечисление средств согласно... для зачисления на лицевой счет № 94780000 Левин Максим Файвелевич".

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД ФАНАТАМ ОДЕССКОГО "ЧЕРНОМОРЦА"

Как я обыграл киевское "Динамо".

Дело было где-то в 70-х уже прошлого века. Одесским "Черноморцем" руководил великий Никита П. Симонян, я имел постоянный пропуск на центральную трибуну (чуть ниже "козырька"), дружил семьями с "палочкой-выручалочкой" Витей Зубковым (который уже Захарович), был через него слегка знаком с Витей Прокопенко (который всенародно признанный Евгеньевич), с дворовой веранды на Л. Толстого, 32 пару раз имел удовольствие лицезреть, как еще совсем молоденький Леня Буряк заходил к теще на блины со своим таким же юным динамовским дружком Олегом Блохиным.

Киевляне, по своему обыкновению, и в тот год громили всех без разбору, но... лишь по одной накатанной заготовке: Виталий Хмельницкий проходит, как сквозь масло, по краю, простреливает в штрафную (можно и во вратарскую), а дальше... все ясно.

Лично меня тогда бесило, что тренеры других команд этого как бы не замечают и дают Хмельницкому полную свободу действий. Тем более что за "Динамо" я болел только в его матчах со всякими там "Реалами", "Интерами" и московским "Спартаком".

А за что его любить одесситу, если оно постоянно оголяло "Черноморец"? Один только Толик Шепель, просидевший у них на скамейке, чего стоит!!! Ладно уж, Леня Буряк — тому хоть место достойное нашлось... А с какой любовно-ревнивой ненавистью мы освистывали дежурные голы Бурячка в ворота своего родного "Черноморца"!..

Нашел чем утешать земляков, подлец этакий... лапочка. Но не буду отвлекаться...

Так вот, где-то за неделю до очередного одесского матча "Черноморца" с "Динамо" встречаемся мы семьями у Вити Зубкова (его, как и положено, отпустили домой с базы после состоявшейся намедни игры) за рюмкой чая. Настрой у всех на предстоящий матч — полный минор, в воздухе витает уверенная обреченность. В ходе творческой дискуссии я — как просвещенный дилетант — выдал собравшимся тираду примерно следующего содержания: "На месте вашего Симоняна я бы снял любого даже с центра защиты (все равно ведь проигрывать!) — лишь бы "задавить" Хмеля и не позволить ему ни одного нормального простела. Это приведет киевлян в шок — по-другому они сейчас не играют... А если и играют, то вряд ли смогут за игру перестроиться".

Присутствовавшие на симпозиуме профессионалы отреагировали на рекомендации дилетанта со сдержанным снисхождением и перевели разговор на другие темы.

Спустя неделю, наблюдая, как и положено, матч "Черноморца" и "Динамо" со своего законного места на трибуне, я весь первый тайм был вынужден лицезреть дежурные простелы Хмельницкого и самобичеваться со злорадством того капитана Юхмана из Жванецкого, когда его веселенький экипаж кинул-таки одесский пароход на брекватер.

Счет 0:1 в пользу "Динамо" после очередного простела Хмельницкого. Но зато во втором тайме моим (и всех трибун) диким восторгам не было предела: Хмелю не давали дышать сразу по двое — трое одесситов, киевляне сникли (я никогда не видел их такими жалкими), получили ответный гол и еле-еле додержали матч до ничьей.

На очередной встрече со мной Зубков сказал: "А ты знаешь, Юра, это ты выиграл у "Динамо" (для "Черноморца" та ничья была равноценна выигрышу)". И поведал, как он, будучи в качестве игрока-ветерана в составе тренерского совета "Черноморца" и прочувствовавшись все-таки моими дилетантскими "наставлениями", не без труда уговорил Симоняна любым путем — даже за счет рискованного оголения центра — "задавить" Хмельницкого.

Вот так это было. Кто не верит — спросите у Зубкова. Я с ним не договаривался, давненько уже не общаюсь, так как с 1986 года страдаю без настоящего футбола и без "Черноморца" на далеком Сахалине.

С уважением и ностальгией —
Юрий НЕДОРЕЗ.
nedorez@newtail.ru

СТРАНИЧКА О "ЧЕРНОМОРЦЕ"

Огромное Вам спасибо за страничку о "Черноморце"!

И хотя там уже нет практически знакомых имен (тридцать лет, как я уехал из Одессы), все равно очень приятно, во-первых, вспомнить молодость (а Вам это очень хорошо удается), во-вторых, очень интересно почитать о "Черноморце" нынешнем (ведь любой другой любимой команды для одессита не существует, если он только не болельщик ОдВо).

С уважением, Игорь.
igmarjel@mtu-net.ru

КОЕ-ЧТО ЕЩЕ О РАННЕМ "ЧЕРНОМОРЦЕ"

Мое поколение, очевидно, помнит "Черноморец" 1958 — 1965 гг. У всех на слуху были такие игроки как Анатолий Щегольков, Юра Заболотный, "Курица" Алексей Попичко, Анатолий Колдаков, "Дубина" Анатолий Двоенков, знаменитый "Кот" Костя Фурс, а также игравший в те годы знаменитый "Варяг" Валерий Лобановский.

Хочу напомнить молодому поколению, что "Черноморец" в те годы выиграл у итальянцев.

Вспоминаются такие ребята как вратарь Жора Городенко, Николай Молочков, Дерябин, Леонид Буряк, Вася Москаленко и многие другие. Им было с кого брать пример. Здесь нужно вспомнить о предшественнике "Черноморца" — команде "Одесский пищевик".

Совсем недавно на сайте клуба одесситов я прочитал несколько фамилий бывших знаменитых одесситов-футболистов, как Зубрицкий и его коллеги. Очень хотелось бы услышать из первых уст о таких замечательных футболистах как Николай Хижняков, Степанов, Жора Кудыменко, Мотя Черкасский, "Маничка" Яшка Альтерович — "Яшка Тряпочник" — и многие, многие другие. Это ведь история футбольной Одессы, о которой нужно рассказать молодежи сегодня.

Уверен, что если сегодняшняя футбольная команда "Черноморец" проникнется гордостью за своих знаменитых футболистов-земляков, то закончит сезон с хорошими показателями.

И напоследок хочу сказать дорогим ребятам сегодняшнего состава "Черноморец", несмотря на то, что очень много коренных одесситов живет по другую сторону Атлантики, мы, как и раньше, в наши молодые годы, продолжаем болеть за вас, за наш родной город.

Роман.
Флорида, США.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

"Коллекционеры — счастливейшие из людей".
Гете.

"Вещи кочуют сиротами среди людей и сами находят, у кого поселиться... Каждая из них — отзвук мира..."
Александр Дорошенко "Жизнь и мнения".

В мире коллекционеров он был странен. Обычно коллекционер специализируется в одной чем-то его увлекшей области. Когда-то он увлекся прочитанным, увиденной коллекцией или же просто внезапной находкой, в его руках оказалась настоящая, высокого уровня вещь. Так начинается коллекционер. Он живет мечтой найти, сделать только свою находку, которая всех удивит. Александр Владимирович собирал все. В его нескольких маленьких комнатках на улице Гарибальди соседствовала немецкой работы 18-го и 19-го веков мебель с русской резной красного дерева мебелью, неоклассицизм с бидермейером, ампир с барокко, стоял письменный стол, как и все в комнате, покрытый множеством мелких вещей, и за таким столом писать, конечно же, было невозможно. В шкафах лежали 18-го века веера разных европейских стран, открывавшиеся диковинными птицами, их взмах сохранял дыхание ушедшего времени, матовость обольстительных женских плеч и, конечно же, вполне понятные тексты на неведомых теперь языках. Внезапно тайной и изысканностью поражал подлинный Дельфт, стоящий на каком-то шкафу, запыленные тарелки и блюда, могущие украсить любой мировой музей, но ниже, в самом этом шкафу, рядом с коллекцией нумизматики, вы с изумлением обнаруживали подборку орденов и медалей вермахта. Икон и пластики было немного, и ценного здесь ничего не было. Но был хорошо и разнохарактерно представлен Восток: мебелью, бронзой, серебром. Шкафы хранили чудные подборки старых журналов "Нива" и "Старые годы". Часть такой подшивки была подарена мною. Было немало живописи — Александр Владимирович чаще покупал южнорусскую школу: Костанди, Нилуса, Дворникова. Но и кроме — все интересное, что попадалось, а попадалось тогда много, иногда — уникальные вещи.

Он мало или почти совсем не взаимодействовал с известными коллекционерами. По крайней мере — из числа ретивой и часто нечистоплотной молодежи. Знал, конечно, и общался со старыми мастодонтами антикварного дела, но вряд ли дружил и с ними. В мире коллекционеров он существовал как-то особо и сам по себе. Не знаю, где он брал деньги на приобретение новых вещей, он был уже на пенсии, и пенсия эта была невелика. В антикварном мире в те времена составлять коллекцию можно было лишь на активном обороте вещей, на их перепродаже, вот разница цен и позволяла собирать и накапливать свое, любимое. Эти люди получали деньги на знании вещей, конъюнктуры и обстоятельств. Александр Владимирович этим не занимался, и не знаю, как он находил деньги. Но приобретал вещи постоянно, до своих последних дней.

Разнохарактерность коллекции сказывалась и на составе гостей в его доме: они, как и вещи, были тоже очень разномасштабны. Какие то окололитературные дамы, большей частью со слабыми признаками пола и ума, с восторженностью, нереализованной в иных областях жизни. Приходили богемного вида и такой же жизни очень компанейские люди. Диапазон был от богемы до власти. Власть нужна была АВ, он тогда задумал создать музей частных коллекций, в основу его положив свое собрание. Нужно было выбить дополнительные помещения, но главное — вообще "пробить" такой музей, аналогов не имевший.

Улица Гарибальди — тихая и темная. Она стоит над Карантинной балкой, тянется к морю, к порту. Этот участок Города стар, планировка его спутана и необычно для нас криволинейна. Как много раз я шел по этой улице к знакомому дому. Шел вечерами, и теперь мне кажется, что там, когда я сейчас это пишу, опускаются вечерние сумерки. Вот сейчас я, пройдя мимо его светящихся и выходящих на улицу окон, прямо с тротуара поднимусь несколькими коваными железными ступеньками, пройду темный короткий коридор парадного входа и, повернув налево, нажму кнопку звонка. И услышу его шаги, повернется замок, и меня встретит, как множество раз встречал, его тихий обрадованный голос: "О, Саша, проходите". Иногда он ласково положит мне на плечо руку (в последние годы всегда мелко дрожала его рука) и так введет в комнаты. Мы минуем какой-то темный проход и сразу за первой дверью попадем в перегруженную вещами и людьми комнату. Так бывает в лавке старьевщика, когда все стены и углы, до самого карниза высоких потолков, уставлены вплотную и увешаны рядами вещей.

Многих посетителей АВ я знал и сразу определялся, участвовать в общей беседе или, сев в укромном уголке в старое кресло, повертеть в руках что-нибудь из новых приобретений или даже из старого, но всегда по-новому интересного: фарфоровую статуэтку с "коцаным" мейсенским клеймом, венецианское стекло, литой серебряный подсвечник. И послушать рассказы АВ, аханье дам и иногда действительно что-нибудь интересное, нового гостя, художника, или альпиниста, или старателя — его рассказы с обязательными добавлениями АВ.

Наступал вечер, и неизменно Александр Владимирович во второй, еще меньшей размером, комнате начинал накрывать с помощью молодых ребят стол (эти молодые ребята постоянно у него жили, меняясь; они были альпинистами, просто знакомыми знакомых, которым надо было заниматься в Городе и не было где жить; они несли и определенную охрану дома, полного ценностей). Чай мы будем пить, конечно же, из тонкого стекла стаканов, и каждый этот стакан будет в старом, хорошей русской работы, серебряном подстаканнике (это есть основа морали: во-первых, хороший чай, во-вторых, подстаканник непременно серебряный и, конечно же, старой русской работы, а к каждому стакану — своя старинной работы чайная ложечка, и сахарница тоже из старого русского серебра, Овчинникова или Хлебникова работы). А к чаю на столе все будет просто — печенье и масло в старой серебряной масленке, и сахар в такой же сахарнице, и к нему щипцы-кусачки, варенье. Чай АВ иногда составлял сам из разных сортов с добавками по своей технологии. Иногда на столе была бутылка вина. И это потому у меня теперь на столе старое русское коллекционное серебро в ежедневном обиходе, что так делал он.

Он очень многое знал, потому что любил и жил этим ушедшим и уходящим миром вещей. И всегда с удовольствием рассказывал, где и что увидел, как была найдена та или иная вещь. Он, собрав очень многое и в этом множестве немало все же очень ценного, снобом не стал. Он сохранял детскую непосредственную заинтересованность и способность именно по-детски радоваться и удивляться. Зная, что я собираю иконы и пластику, он так уважительно адресовался ко мне за справкой, он, знавший неизмеримо больше. Тому, как он представлял вас новому человеку, как уважительно о вас говорил, следовало соответствовать. И он иначе, чем обычный, пусть и очень знающий коллекционер, видел мир вещей. Я такого никогда больше не встречал. Он удерживал вещь в своих представлениях и рассказах о ней в ее реальном бытовании: во времени, в среде и людях. Он знал не только ручные ковры Востока, время, историю сюжета и орнамента, технику, он понимал, как это все возникало во времени, и мог рассказать, как это все бытовало там, на Востоке. Он умел видеть. Я знаю это, я обошел узбекские и таджикские, но главное — туркменские — горные кишлаки, видел эти вещи, ковры и свадебное серебро с сердоликом, но я видел вещи и искал их, он же видел людей и — продолжением их жизни — эти вещи. Это так редко в людях. Его знания были не книжной мудростью и фактом, но универсумом человечества оборачивался любой его рассказ, и даже не об эксклюзивной вещи, а, например, о какой-то 18-го века гуцульской керамической свистульке. А прямо перед этой беседой мы говорили об античной нумизматике, о "кизякинах" или о ранней Византии. Он не проводил границ, понимая все, сделанное человеком с любовью, как историю его духа. Наверно, поэтому такой разношерстной была эта удивительная коллекция. Ведь собрал же его друг Белый коллекцию русского фарфора, но собирал он только фарфор, и этой сравнительно узкой темы любому хватит на всю жизнь: собирать, изучать, делать открытия и радоваться.

Было бы с кем порадоваться вместе и с кем поделиться радостью находки!

(Это сегодня для меня уже есть проблема. Я недавно на Староконном рынке купил фарфоровую вазу работы фабрики Гарднера. Она выполнена в восточном стиле, в форме пиалы большого размера, и расписана вручную цветами с зубчатым многоцветным орнаментом по верхнему внешнему краю. Пусть, и я это знаю, вообще никто из моих интеллигентных знакомых эту фабричную марку не знает, пусть они в равной мере не знают и все известные русские фирмы, работавшие фарфор, и фаянс, и майолику (знают только Кузнецова, этот сифилис русской керамики и ее тупик, и знают потому, что горами своей продукции, край развитию русской керамики положившей, Кузнецов завалил в начале века всю Россию и это имя осталось в памяти бабушек и мам, поскольку в каждом доме что-то от Кузнецова сохранилось), пусть и стоимости ее и материальной ценности они тоже не представляют, хотя зачастую это единственный доступный им критерий оценки, но если абстрагироваться от этого, остается то, что количественных знаний не требует и обучению не подлежит: Красота! Скажи мне они, пусть хоть кто-нибудь, о показанной им иконе или вазе: "Как красиво!" И это примирит меня с их вопиющей безграмотностью.

Кого позвать, и с кем мне поделиться... тихой радостью... новой моей находки?!

У нас на побережьях Черного моря говорят, что если приложить ухо к раковине, можно услышать шум моря. Шум моря у нас слышен и без раковин. Хотя их в Городе множество, больших и красивых, они — домики-крепости, оставшиеся от моллюсков теплых и южных Карибского бассейна морей. Они разноцветны, громадны и поражают причудливостью форм. Так вот, если послушать такую раковину, то услышишь не шум моря, она, раковина вовсе не генерирует звук, это звук втягиваемого ею, жадно поглощаемого пространства земли, звучания нашей живой жизни. Но если послушать ее, находясь вдали от моря, в северных пустых и бессмысленных пространствах, она вернет звук и перескажет тебе все когда-то бывшее с нами на этих счастливых берегах. Так когда-то играл, отогревшись в домашнем тепле, рожок барона Мюнхгаузена мелодии, замерзавшие в нем на морозе. Человек — как эта раковина, он собирает существенное из мусора бытия, он строит это в себе и себя в этом. Он, если умеет, поделится этим с друзьями, но главное в этом собирательстве иное, это необходимо, нужно кому-то или чему-то, пославшему нас во временный мир людей. Ничто из родившегося и созданного в мире не пропадает, но большая часть видимого мира не рождена и не создана, это просто мусор, ослиный помет).

Играют короля его подданные. Но и королю приходится играть, чтобы у его подданных был настоящий король. Как мы все, очень разные, нуждались в этом доме на улице Гарибальди! Многие из там бывавших постоянно или наездами (Москва, Питер, Новосибирск... вся страна) мало знали антиквариат. Они приходили к Александру Владимировичу. На этой вечерами такой всегда темной улице светились окна его квартиры, освещая улицу, Город, страну. Мягкая его доброта, прикосновением к которой сглаживались угловатости характера прикоснувшегося, речь и поведение, о которых мы, догадываясь и читая, что такое есть или было, никогда не встречали в жизни, голос, тихий и успокаивающий, как лекарство, — ко всему этому так хотелось прикоснуться. Конечно, разные люди приходили в этот дом, но каждый получал там ему необходимое. В Городе стало темнее, когда погас в этих окнах свет.

Такой человек, как он, не выдерживает обычных определений: ученый, альпинист, коллекционер. Александр Владимирович — это отзвук мира!

С массой самых удивительно разных людей я оказался связан знакомством через АВ. Умные и образованные, простые и невежественные, частные лица и представители высоких властей, все они были связаны его именем. Каждому что-то было в нем необходимо, и каждый это находил для себя. Кто я, одинокий, неуживчивый и высокомерный, чтобы судить об этом! Мне, чтобы так суметь быть с людьми, надо бы вырасти и измениться, стать выше и лучше. Вряд ли, уже нет времени, или среды такой, или так сложившейся жизни. Я, кстати, вовсе не знаю его личной жизни. Он никогда не говорил, я никогда не расспрашивал ни его, что было немыслимо для меня, ни иных, конечно, много здесь знающих, что было бы бессмысленно в этих целях. Я как-то не нуждался в этих конкретностях, никогда ничего не прибавляющих к главному, если вы знаете главное.

Он любил горы и много лет ходил там. Горы помогают стать человеком. Внезапной случайностью и откровением они входят в твою жизнь, ведь рассказать о них невозможно. Вырванный из человеческого муравейника наших городов, их обихода и шума, ты оказываешься наедине с Богом. Наши сверкающие многоцветные города безлики или становятся безликими на глазах. Горы всегда особенные и говорят только с тобой лично. Там иное небо и воздух, но, главное, там ты ближе к Богу. Так выглядел мир, когда мы, люди, были молоды. Таким был Моисей на Синае. Горы изменят тебя. А если нет, изменить тебя невозможно.

В доме у АВ часто бывали альпинисты. Вдруг оказывался где-то в углу лежащим рюкзак. АВ становился при этих гостях с вершины мира особым, он начинал светиться иным светом. (Он сохранял и в старости навыки альпиниста, это не забывается, как любое дарованное однажды тебе умение — плавание или езда на велосипеде. Однажды был утерян ключ от какого-то кабинета в нашем институте. А со двора — это был бельэтаж — оставалось открытым окно. Несколько молодых мужчин примерялись влезть в это окно, и я тоже, но не сумели. Сумел АВ, случайно проходивший мимо, а был он тогда уже пожилым человеком). Мир альпинистов — особое и всемирное братство, как, вероятно, и яхтенное дело. С землей мы уже разобрались, море, горы да еще великие пустыни остались на Земле местом, где стоит жить, где можно прикоснуться к себе, если там было к чему прикоснуться...

Он был тихим и домашним человеком. Тапочки, мощная линза в руке, справочник на мавританском резном столике, собеседник. Но в нем жил альпинист, а это означало энергию и твердость, проявляемые немедленно. Однажды я пришел к нему со своей бедой. Мне, как воздух, надо было выпасть из привычной жизни, где исчез воздух, я тогда задыхался. Я бежал и не мог остановиться, такая болезнь, я где-то прочел, называется амок. Я хотел уехать на год в горы, уйти от людей, отдышаться. Раньше так на время уходили жить в монастырь. Там были большие, заросшие травой дворы у келий, обиходный тяжелый труд, молчание и тишина. Стены монастыря огораживали тебя и прятали на время болезни. АВ послушал, о деталях случившегося вовсе спрашивать не стал. И через день он все для меня решил. Меня ждали на горной какой-то станции, то ли обсерватории, то ли какой-то метеорологической, то ли на Памире, то ли в Крыму, не упомню. Была для меня там должность, младшего сотрудника науки. Меня, понятия не имевшего профессионально, никому дотоле неизвестного там, в горах, вовсе, уже ждали. Он так мог, его люди были везде, и его голос был для них определяющим. Такой это был тихий коллекционер и собиратель. Такой был у него тихий голос. А я в этот день остановился на бегу и отдышался. И понял, что бежать от себя не получалось еще никому. Он не сказал ни слова, вновь не расспрашивал ни о чем, и все дело мы забыли.

Александр Владимирович чаще всего бывал тих и задумчив. Перебирал четки. (Тогда эта простая вещь в руках АВ удивляла необычностью; сегодня это привычно — много людей с Востока появилось в Городе.) С ним хорошо было побыть в тишине, если случалось, что не сваливались на голову и душу восторженные дамы. Я из множества только немногие помню вечера, когда удавалось вот так тихо с ним посидеть и поговорить. Потом он, провожая меня, выходил на площадку уличной лестницы, и мы еще некоторое время стояли здесь в тишине одесского вечера. Я курил, он что-то говорил мне, облокотясь на лестничную решетку.

Иногда я проезжаю мимо этого дома и всегда успеваю в вечерних сумерках рассмотреть лестничку, площадку, дверь.

Теперь в его доме музей, о котором он так мечтал.
Я в нем не был.

Александр В. ДОРОШЕНКО.

ШЕСТЬ ПРОГУЛОК

"После первого стакана абсента ты видишь вещи такими, какими ты хочешь их видеть; после второго ты видишь их такими, какими они не являются; в конце концов, ты начинаешь видеть вещи такими, какие они есть, и это самое ужасное..."

Оскар Уайльд

Так получилось, что по Праге мы гуляли с двумя книгами в рюкзачке, попеременно заглядывая то в одну, то в другую. Первой был, разумеется, путеводитель, а второй — "Шесть прогулок в литературных лесах" Умберто Эко. Необходимость есть не что иное, как пересечение случайностей. "Шесть прогулок " оказались в моем рюкзачке достаточно случайно: таксист уже осторожно гуднул, напоминая о себе, и я схватил со стола первую попавшуюся книгу, дабы чем-то скрасить три часа самолетного безделья.

Не менее случайным можно считать замысел автора "Путеводителя по Праге", разбившего свою книгу на шесть маршрутов. После поездки я специально зашел в "Стеймацкий" и поинтересовался другими путеводителями: каждый из них предлагал другое число прогулок.

Соединившись, эти две книги побудили нас совершить все шесть предписанных маршрутов, разговаривая при этом о литературе.

Впрочем, оборот "так получилось" скрывает изрядную долю лукавства: Эко лежит на моем столе почти год, и я неоднократно перечитывал его, каждый раз со вздохом непонимания возвращаясь к началу.

Моя жена Анна, литературовед, лишь улыбалась, наблюдая страдания мужа. Ее всепонимающая улыбка не оставляла писателю никакой надежды, просто никакой, даже на самом дне кофейной ложечки.

Сегодняшние аналитики далеки от наивных представлений, будто критика должна уловить намеки, оценить литературную игру, расшифровать запутанные места. Аналитик воспринимает текст как первичный материал для построения собственной интерпретации, и чем резче она будет отличаться от трактовки автора, тем сильнее закивают головами собратья-аналитики. Текст для него заготовка, на иврите — гелем, голем.

* * *

Он встретил нас у входа в Еврейский квартал. Огромный, красный, цвета глины с берегов Влтавы. Его лицо кого-то напоминало, но кого, я никак не мог сообразить.

Отпраздновать долгожданную встречу мы отправились в соседнее кафе "У Голема". Хозяин квартала остался рыжеть на противоположной стороне улицы. Выпить с нами он не мог.

Голодно соблюдающему кашрут еврею в гульливой Праге. Кроме кофе да пива, ничего не закажешь. Пришлось и на этот раз довольствоваться двумя чашечками "эспрессо" с рюмкой зеленого абсента в честь "со свиданьицем".

О губительных свойствах этой полынной настойки ходит немало слухов. Однако при ближайшем рассмотрении большинство из них оказываются наветами.

Влияние абсента на европейскую культуру сравнимо только с влиянием литературы. Им увлекались Хемингуэй, Верлен, Рембо, Уайльд и, конечно, самый знаменитый его употребитель — Ван Гог.

Многолетнее исследование абсента, проведенное доктором Вульфом из Калифорнийского университета, показало, что передозировка туйона, содержащегося в абсенте, изменяет восприятие цвета: человек видит все в желтых тонах. Знаменитая картина Ван Гога "Звездная ночь" с желтыми кругами вокруг звезд — типичный синдром отравления туйоном.

Пригубив, я бросил очередной взгляд в сторону Голема и замер. На противоположной стороне улицы стоял памятник тельавивскому поэту Эли К. Сходилось все: осанка, каменная тяжесть плеч, взгляд.

— Уж больно крепкий кофе заваривают в пражских кофейнях, — покачала головой Анна, выслушав мои подозрения. Под кофе она имела в виду абсент.

— Если выпить достаточно этого напитка, — продолжила Анна, — то можно увидеть все, что захочешь увидеть: прекрасные, удивительные вещи. Так утверждал Оскар Уайльд.

— Допустим, что Голем — это Эли К., — предположил я, пускаясь в опасное плавание между ассоциациями и утверждениями, — и представим себе, будто абсент лиминален. Он побуждает сознание реализовать спящие стимулы, суля возможность перейти незримую границу между миром присутствия и миром отсутствия. Но тогда литературное произведение тоже лиминально!

Подобно полынной настойке, литература — это вход в иную реальность, отличную от той, где в данный момент находится наблюдатель. Можно предположить, будто литературное произведение, погружающее читателя в такую реальность, есть своего рода абсент.

— Но тогда и Голем абсентен, — улыбнулась Анна, выслушав мои построения.

— Каким образом? — спросил я и заказал еще две рюмки. Судя по зачину, начинался интересный разговор. Рыжий Эли К. одобрительно посматривал на нас сквозь оконное стекло. Ему было приятно, что говорят о нем.

Анна вытащила из сумочки авторучку и, черкнув по салфетке, протянула ее мне.

— Погляди.

На салфетке было всего два слова: absinthe и absent.

— Absent по-английски — отсутствующий, absence — отсутствие. С одной стороны, абсент вызывает забытье, с другой — при помощи галлюцинаций навевает воспоминания. Это катализатор, чудесный эликсир, способный превратить существующее в несуществующее, а исчезнувшее обратить в реальность. Абсент — символ Праги, города дрожащих теней прошлого.

— Продолжай! — воскликнул я, отхлебывая из рюмочки. — Мне нравится, как ты говоришь.

— Голем — тоже незримое присутствие, (absent presence), присутствие в отсутствии; сейчас его нет, но он повсюду, раньше он был, а теперь он нигде. Абсент — это волшебное заклинание, сначала оживившее комья глины, а затем заставившее великана рассыпаться в прах. Поэтому Голем — наполовину предание, наполовину легенда — абсентен.

— Да, — согласился я. — На этой рыжей фигуре космическим образом пересеклись бесконечности легенды и предания. Если принять абсент за мерило лиминальности, то Голем и литература, несомненно, абсентны.

Заказав еще по чашечке кофе, мы продолжили разговор. За окном плыли в жарком августовском воздухе раззолоченные особняки, возведенные на месте разрушенных еврейских кварталов.

Точная информация, заключенная в предании, обязывает, а цель легенды — превратить знание в игру, в ни к чему не обязывающую литературу. Голем у Мейринка — страшилка, разгуливающая по улицам; пражане произносят его имя, расширяя глаза и понижая голос. Он заполняет необходимое человеческой душе пространство ужаса, материализуя его на конкретном предмете. Страшно, но не очень. Вернее, и сладко, и страшно, и хочется этой жути еще и еще.

К преданию доверие слушателя абсолютно, отсюда и сила возникающих обязательств, в литературе же оно носит характер негласного соглашения, которое Колридж определил как "воздержание от недоверия". Читатель знает, что автор рассказывает вымышленные истории, но сие вовсе не означает, будто автор лжец. По словам Джона Селя, автор делает вид, будто говорит правду, а читатели делают вид, будто истории действительно имели место.

Поэтому, рассказывая о ночных прогулках Голема, пражане расширяют глаза от ужаса, но не более, ибо прекрасно сознают, что это вымысел, а евреи, взбираясь на чердак Староновой синагоги, никогда не наступают на пятую ступеньку, точно зная, что под ней лежит глина, в которую рассыпался Голем. И неважно, что при недавнем ремонте синагоги под этой ступенькой ничего не обнаружили — предание изменило жизнь так, чтобы она подтверждала предание. Соглашение переросло в закон.

Литература паразитирует на действительности, уплощая и упрощая ее в угоду человеческому восприятию. Разницу между легендой и преданием хорошо иллюстрирует следующая история, записанная чехами. Я наткнулся на нее в книжке "Пражский Голем", купленной в магазине "У Кафки", в двух шагах от еврейского квартала, и прочитал, не сходя с места, прямо перед кассой. Белобрысенькая продавщица с удивлением наблюдала, как слезы умиления и восторга катились по моим щекам.

* * *

"Любуша, основательница Праги, считалась прорицательницей: на смертном одре она призвала своего сына Незамысла и, удалив всех, зашептала холодеющими губами:

— Я возвращаюсь к предкам и перед смертью хочу раскрыть тебе будущее. Во времена, когда твой внук станет властелином Чехии, в наших лесах станет искать убежище изгнанный маленький народ, верящий в одного-единственного Б-га. Пусть этих людей примут радушно, и пусть твой внук возьмет их под свою защиту, так как они принесут Чехии плодородие.

Незамысл поклялся исполнить волю матери.

Прошло сто лет, много воды утекло во Влтаве, много крови пролилось, много буйных голов слетело с плеч, и наказ прорицательницы почти позабылся.

В ночь после коронации Гостивита Любуша явилась к нему во сне:

— Настало время, когда мое предсказание должно свершиться. Скоро маленький народ, верящий в одного Б-га, явится с просьбой о помощи перед твоим престолом. Прими его гостеприимно и возьми под свою защиту!".

Весной 850 года венды перешли через Лейту, вторглись в Московию и, причинив немалые разрушения, изгнали еврейскую общину. Спустя десять лет, изъездив весь тогдашний мир, нигде не найдя жалости и пристанища, несчастные добрались, наконец, до Чехии. Двое старейшин попросили аудиенции у Гостивита и были немедленно приняты. Князь разговаривал с гостями весьма милостиво:

— Кто вы и чего желаете? — спросил он, после тщетных попыток угостить старейшин яствами с княжеского стола.

— Мы спокойный народ, — ответствовали гости, — малый по числу и слабый по силе и следуем учению Моисея. Веруем мы в одного-единственного Б-га, всеведущего, всемогущего, справедливого и милостивого, чья воля наполняет весь мир. Прими нас под свою защиту, князь, мы станем твоими верными подданными и будем просить нашего Б-га, чтоб Он ниспослал твоему народу процветание, а тебе — удачу и славу.

Князь сразу понял, что это тот самый народ, о котором возвестила ему Любуша, однако, не стал быстро принимать решение, а заговорил мудро и величественно, как и подобает правителю:

— Подождите ответа два дня. Возвращайтесь послезавтра, и я сообщу, смогу ли внять вашей просьбе.

На следующее утро по велению Гостивита все владыки Чехии собрались в замке.

— Как и предвидела основательница рода, — начал князь, — к нам пришел маленький угнетенный народ, в поисках защиты и помощи. Я бы с радостью выделил им место, так как они принесут нам счастье и благополучие, но отложил решение до завтра, потому, что сначала хочу выслушать ваше мнение.

— Сделай, как ты хотел, — ответили владыки. — Так велела Любуша, да будет так!

Князь выделил евреям место на берегу Влтавы и принял их под свою опеку. Маленький народ верно держал слово: по свидетельству самого старого летописца Чехии, Космы, только благодаря мощной поддержке пражских евреев Гостивиту удалось полностью изгнать немцев из страны".

На этом заканчивается умилительная легенда. Предание, оформленное в виде летописи, несколько по-иному освещает гостеприимство чешского народа и его правителей.

"В 1388 году, во время правления короля Вацлава Ленивого, толпа горожан напала на еврейский квартал Праги. Евреи должны были отречься от своей веры или умереть. Они не ожидали нападения и не смогли оказать серьезного сопротивления врагу, имевшему к тому же огромный численный перевес.

Старики, женщины, дети и уцелевшие в бою мужчины скрылись в Староновой синагоге. Разъяренная толпа выломала решетки на окнах, выбила дверь и ворвалась вовнутрь. Никто не захотел отказаться от своей веры, и всех — сначала детей на глазах у матерей, затем женщин на глазах мужей — беспощадно убили. Кровь разлеталась брызгами по стенам молитвенного дома и ручьями струилась вдоль стен. Король Вацлав оставил происшествие без суда и наказания".

* * *

Предание отстоит от легенды-литературы на степень доверия и на его продолжительность. Я готов верить, будто Грегор Замза, проснувшись однажды утром, обнаружил, что он у себя в постели превратился в странное насекомое, но верить в это я буду, только пока читаю рассказ Кафки.

Приступая к чтению, читатель дает согласие пребывать в мире, где человек может превратиться в насекомое, а волки заговаривают с гуляющими по лесу девочками. Но это не единственное соглашение, которое он принимает, их много, мне иногда хочется отложить в сторону свои писания и составить краткий перечень законов и соглашений, определяющих пребывание читателя в литературных мирах. Впрочем, вряд ли такая задача под силу одному человеку.

Главное из этих соглашений можно обозначить как "подразумеваемая честность". Читатель отдает писателю часть своей жизни, расходуя ее на погружение в придуманный им мир, писатель, в свою очередь, обязуется возместить эту утрату занимательным сюжетом, новым взглядом на известные проблемы, живописной лексикой и прочими достоинствами художественного текста. Открывая книгу, читатель подразумевает, что соглашение будет выполнено, если же такого не происходит, он чувствует себя обманутым и с раздражением оставляет текст.

Отыскивать запрятанные намеки, бродить по тайным ходам, прорытым писателем, расшифровывать аллюзии и реминисценции читатель станет только после удовлетворения первого голода, обусловленного вышеуказанным соглашением.

Впрочем, существует еще идеальный читатель, типа тель-авивского прозаика Миши Ю., способного, словно жемчужная устрица, обволочь собою песчинку, превратив ее в драгоценность. Однако отыскать такого читателя куда сложнее, чем написать текст, удовлетворяющий рядовым запросам.

Легенды литературы краше и уютнее преданий; литература в большей своей части — уплощение реального мира, уменьшение количества влияющих факторов. Одна из целей литературы — сделать действительность более понятной, в этом секрет популярности мыльных опер и аргентинских телесериалов. Они создают мир-убежище, в котором зритель чувствует себя уверенно.

Чем ближе мир литературного произведения к реальному, тем меньше у него будет зрителей.

"Профессор Мориарти натуральнее Пьера Безухова, — пишет Эко, — потому что жизнь, вне всяких сомнений, куда больше похожа на "Улисса", чем на "Трех мушкетеров".

Мир, в который попадает читатель, вовсе не обязательно тот же самый мир, в котором находился автор произведения. Интерпретация текста читателем может завести его довольно далеко. В принципе, автор заинтересован в наибольшем количестве интерпретаций: он мечтает об идеальном читателе, мучимом идеальной бессонницей, который угадает, достроит, развернет — то есть заставит работать на себя ленивый механизм текста. Для этого хитрый автор расставляет в тексте, словно капканы, разнообразные намеки, куда неминуемо должна угодить фантазия читателя и повести его по собственному пути.

* * *

В одном из моих рассказов я вытащил из давно несуществующего советского Вильнюса фигуру замдиректора по кадрам со странной фамилией Панка. Сочетание должности и фамилии показалось мне достаточно забавным, и я вставил его в "Хранителя могилы" таким, каким сохранила его моя память: от кончиков начищенных ботинок до лысеющей макушки. После опубликования рассказа в Интернете я получил письмо из Вильнюса от бывшего сослуживца.

— Здорово ты описал Панку, — писал сослуживец, — прямо как живой получился.

Реакцию сослуживца я могу определить как нормальную реакцию нормального читателя. Случайно получилось, что он оказался знакомым с одним из персонажей рассказа, но другой человек на его месте легко бы представил своего замдиректора, наделив Панку его чертами.

Реакция идеального читателя, Миши Ю., оказалась принципиально иной.

— Панка, это ведь пан К. — объяснил он мне, прочитав рассказ, — из "Замка" Кафки. И остальное сходится.

И тут идеальный читатель Миша развернул передо мной такую интерпретацию текста, о которой я даже не подозревал.

— Признайся, — спросил он, закончив полет и приземлившись возле меня, — я правильно все разгадал?

— Правильно, Миша, — только и смог пробормотать я, краснея от стыда. Рассказ читателя оказался куда интереснее моего.

* * *

Писатель должен помалкивать с интерпретацией собственного текста. Ролан Барт обозначил этот феномен как "смерть автора". Автору следовало бы умереть, закончив книгу, и не мешать читателю своими пояснениями.

"Автор, — добавляет Эко, — не более чем текстовая стратегия, определяющая семантические корреляции".

* * *

Перед входом в королевский дворец на Градчанах мы столкнулись с группой израильских туристов. Группа стояла, онемев, с широко раскрытыми от изумления ртами. Причина недоумения выяснилась моментально: прямо у входа на площадь, под памятником Масарику, оркестр "харедим" исполнял "Хатикву". Израильтяне, читающие эту статью, поймут всю странность и загадочность подобного зрелища, а не заслужившим проживать на Святой Земле я предлагаю поверить на слово

ПО ЕВРЕЙСКОЙ ПОМПЕЕ

— иначе пояснения займут несколько страниц.

Мы с женой переглянулись, моментально сообразив, в чем тут дело, и принялись ожидать развязки. Спустя несколько минут к начинающим отходить от каменного оцепенения туристам вернулся гид, ходивший, по-видимому, отмечать входные билеты, и тут же принялся за работу.

— Видите ли, — объяснил он, — бороды, черные шляпы и черные костюмы не являются однозначной принадлежностью еврейских ультраортодоксов. В Чехии, например, так одеваются музыканты.

— Но почему они играют "Хатикву"? — не унимались туристы.

— Ну, — предположил гид, — наверное, они увидели группу израильтян и в знак приветствия исполнили гимн Израиля. Чехи вообще очень гостеприимная нация, вы разве не заметили?

— Заметили, заметили, — закивали туристы, и в футляр от контрабаса, призывно распахнутый на мостовой перед оркестриком, посыпались монетки.

Довольная группа двинулась на осмотр дворца, а мы продолжали слушать симфоническую поэму Б. Сметаны, один из мотивов которой послужил основой для "Хатиквы".

Интерпретация ситуации меня позабавила, и я с удовольствием рассматривал площадь, фасад дворца, торжественную смену караула. Случайно бросив взгляд на фигуру Масарика, я оторопел: над музыкантами возвышался памятник тель-авивскому поэту Петру М. Не веря своим глазам, я принялся разглядывать лицо монумента и оторопел еще больше: Петр-Масарик подмигнул мне правым глазом и произнес, вытягивая перст по направлению к толпе туристов:

— Эпоха кабаре.

Я обернулся к Анне, чтобы рассказать ей о невероятном поведении памятника, и увидел, что она тоже смотрит на монумент.

— Видела? — спросил я, и бесчисленные реминисценции на классические сюжеты закружились в моей голове.

— Что видела? — уточнила Анна.

— Ожившую статую!

— Статую — нет, но я видела, как абсентный подход может превратить поэму "Влтава" в "Хатикву"

Дальнейший разговор о последствиях неумеренного потребления черного кофе я решил оставить вне рамок этой статьи. Одного до сих пор не пойму: на что намекал поэт М.?

* * *

Название произведения — тоже авторская интерпретация, подсказка, с помощью которой направляют или, наоборот, запутывают читателя, обращая его внимание на некоторые особенности текста. Автор, заинтересованный в максимально большем количестве интерпретаций, стимулирует фантазию читателя, например, заглавие "Капитанская дочка" фокусирует внимание на второстепенной фигуре повествования, хотя для повести Гринев или Пугачев представляют куда больший интерес.

Размышляя о названии, читатель волей-неволей начинает думать, почему в центр поставлена фигура дочери капитана, и отыскивать объяснения, то есть — интерпретировать. Название "Замок" слегка притушевывает главную фигуру романа — Йозефа К., а "Голем" выводит из тени на первый план персонаж, вообще не участвующий в повествовании. О многозначности названия "Улисс" написана целая библиотека.

"Заглавие одного из самых знаменитых и читаемых романов за всю историю человечества — "Три мушкетера", — пишет Эко, — повествующего на самом деле о четырех мушкетерах, можно отнести к гениальной оплошности, но такого рода рассеянность может позволить себе только очень большой писатель".

* * *

Мои разговоры с мэтром А. всегда заканчиваются одинаково.

— Яша, — говорит мэтр, — ты хорошо пишешь, ты даже очень хорошо пишешь, но вот названия твоих произведений никуда не годятся. Названия — имя книги, а ты как нарочно выбираешь такие, что сбивают читателя с толку. Ну кто, кто, скажи на милость, может понять, о чем рассказывается в книге "Шахматные проделки бисквитных зайцев"? Или "Астральная жизнь черепахи"? А ты назвал роман вопиюще плохо: "Вокруг себя был никто". Ты-то сам можешь объяснить смысл такого названия?

— Могу, — отвечаю я с самой почтительной из интонаций.

— А вот читатель не сможет! — торжествующе восклицает мэтр. — Он повертит в руках твою книгу и положит ее обратно на прилавок. Посмотри, как называли свои произведения наши великие предшественники: "Анна Каренина", "Ярмарка тщеславия", "Гроздья гнева", "Герой нашего времени". Одно название — уже половина успеха. Ты знаешь, сколько лет Толстой сочинял название "Война и мир"?

Я бы все твои книги взял и переназвал, все, без исключения. Измени, измени, пока не поздно название романа. Потом жалеть будешь, мол, предупреждал меня старик А., а я его не послушал...

С мэтром я не спорю, я ведь не бат-ямский поэт Павел Л. Тот ругается с ним так, что, жена мэтра начинает успокаивать и разнимать спорщиков. Павел вообще известный литературный скандалист.

Мэтра я внимательно выслушиваю, но большую часть замечаний оставляю в стороне. Примером такого поведения служит сам мэтр.

— Мою первую повесть, — рассказывал он мне, — редактировал Константин Паустовский. Рукопись вернулась со множеством исправлений и поправок. Но главное — с очень теплым отзывом. Я внимательно перечитал все замечания и согласился только с одним: в мое описание южного дождя Паустовский добавил эпитет — тяжелый.

Книга вышла, и я со страхом и почтением подарил ее Константину Георгиевичу. Спустя несколько дней мы случайно встретились в доме одного общего знакомого, Паустовский подошел ко мне и крепко пожал руку.

— Молодец, — сказал он. — Другой бы всем раструбил, что его рукопись редактировал Паустовский, а ты все вычеркнул. Молодец!

— Запомни, Яша, — заключает наши разговоры мэтр, — в тексте ничего не спрячешь, в тексте выползают наружу все симпатии и антипатии автора, дурные привычки, страхи и фобии. Взяв в руки перо, ты оказываешься на сцене под жестким светом читательских взглядов. Собственно, каждая книга и есть театр, театр одного актера. И этот актер — ты, писатель.

* * *

В один из погожих пражских вечеров мы с женой собрались в театр. Все сувенирные магазины этого города увешаны марионетками различных размеров и форм. Тут и ведьмы, и забавные животные, и евреи в ортодоксальных нарядах, и рыцари, и герои сказок. Прага славится своими театрами марионеток, и мы, перебрав несколько афиш, купили билеты на "Дон Джованни" Моцарта.

"Ах, мои пражане, они понимают мою музыку!" — воскликнул Моцарт после триумфального успеха в Праге "Женитьбы Фигаро". Премьера этой оперы в Вене закончилась грандиозным провалом.

В знак благодарности за столь теплый прием Моцарт специально для пражского Театра сословий написал "Дона Джованни".

Вход в здание оказался неподалеку от Карлова моста, в одном из дворов Карловой улицы — центральной туристской магистрали. Мы долго взбирались по крутой винтовой лесенке, пока не оказались в небольшом зале, прямо под скатами крыши дома. В Израиле пожарная инспекция закрыла бы этот театрик еще до премьеры: выход из зала, облицованного деревянными панелями, был только один — та самая винтовая лесенка. "Случись, не дай Б-г, пожар, — подумал я, — отсюда никто не выйдет".

Подумал, но промолчал, не желая портить жене удовольствие от спектакля.

Действие началось, куклы были забавны, и актеры управляли ими довольно ловко, но представить себе, будто эти смешные сооружения и есть дон Джованни или Лепорелло, я смог только благодаря музыке. Моцарт все перевернул, смешал и переделал; в мире, созданном силой его гения, веревочки над куклами, пружины, мелькающие пальцы кукловодов и прочие атрибуты плохо замаскированной театральной механики стали совершенно неважны: главное, чудо создания новой реальности, произошло.

Начало представления напомнило мне чтение романов Льва Толстого: первый абзац читать невозможно, сквозь второй продираешься с трудом — написано небрежно, неряшливо, повторения слов, чудовищного размера фразы, неточные эпитеты, и вдруг... то самое вдруг, на котором зиждется искусство; текст исчезает, перед мысленным взором раскрывается мир, и начинается абсент: герои ходят, разговаривают, живут своей жизнью, читателю остается только наблюдать и отождествляться.

Опера шла на итальянском языке, но моя жена, знающая наизусть либретто, нашептывала мне на ухо синхронный перевод. Торжественность музыки и арий несколько нарушалась поведением кукол; в лучших традициях балагана, породившего театр марионеток, дон Джованни заглядывал под юбку донне Анне и Церлине, по-уличному дрался с Командором и Мазетто, словом, вел себя, как нормальный чешский босяк. Режиссер спектакля намеренно придал представлению пародийно-балаганный смысл, наверное, ему казалось, что оперный пафос тут неуместен. Или, что не менее вероятно, дон Джованни, пропущенный через призму его восприятия, должен был выглядеть именно таким образом.

Автор пишет всегда о себе, только о себе. "Мадам Бовари — это я", и как бы сочинитель ни отмежевывался от лирического героя, утверждая, будто их разделяет дистанция огромного размера, каждый вздох и всхлип текста рождается в груди автора и помечен неистребимым клеймом его личности.

Причина, по которой Пушкин переделал дона Джованни в дона Хуана, переместив действие из Италии в Испанию, мне неизвестна, но почему Командора, отца донны Анны, он превратил в ее мужа, можно предположить. Александр Сергеевич, известный соблазнитель чужих жен, куда лучше понимал чувства обманутого супруга, чем гнев отца, оскорбленного бесчестьем дочери.

Автор создает свой мир, модель действительности, построенную по собственным законам. Они могут быть бесконечно далеки от законов реальности, в которой мы существуем, главное условие — чтобы модель действовала в соответствии с собственными законами, то есть была внутренне непротиворечивой. Тогда придуманный мир сам укажет, куда должен развиваться сюжет и как будут вести себя персонажи.

"Идеалистическая болтовня" — так определяет Эко заверения авторов, будто персонажи-де живут самостоятельной жизнью, а писатель лишь сомнабулически протоколирует происходящее. Такого рода россказни распускают авторы, не удосужившиеся изучить правила и создать непротиворечивую модель. Психологические пробелы в поведении героев они пытаются замаскировать баснями о самостоятельной жизни персонажей, дабы убедить читателей, будто их мир живет. Это неправда. Если придуманный мир живой, то поступки героев не вызывают недоумения.

* * *

Майзелева синагога оказалась рядом с метро "Староместская площадь". Солнце уже перевалило через зенит, обозначая время полуденной молитвы. Я сунулся в роскошный вестибюль синагоги, но тут же был остановлен суровым окриком. Вместо молитвы меня ожидал театр.

— Вы куда это? — вопрошала суровая чешка преклонных годов. — А билет?

— Какой билет?

— В музей.

— Я не в музей, я в синагогу, молиться.

— Покупайте билет и делайте, что вам угодно.

Разговор происходил на смеси русского и английского, иврит служительница не понимала. Осмотревшись, я обнаружил нескольких работников музея откровенно славянской принадлежности, их благородные блондинистые лица возвещали: купи билет!

Бедный, бедный Мордехай Майзель! Если бы ты знал, что за право молиться в твоей синагоге чехи берут с еврея деньги!

Над застекленным окошечком кассы красовался прейскурант: вход в музей — 8 долларов, за вход во все музеи-синагоги еврейского квартала в течение одного дня — 15 долларов.

"Везет мне на представления, — подумал я, — первый раз в жизни буду платить деньги за то, чтобы попасть в синагогу. Нет, это не театр, это цирк! Ладно, приеду завтра, с самого утра, и обойду все "музеи". Я пока помолюсь у наружной стены".

Слева от центрального входа была небольшая ниша с дверью. По всей видимости, когда-то через эту дверь попадали в микву. Я устроился в нише и спокойно приступил к молитве. И вот тут начался настоящий театр!

За пятнадцать минут моей молитвы у решетчатой ограды синагоги собралась небольшая толпа. Анна, ожидавшая меня возле ограды, слышала удивленные возгласы туристов:

— Смотри, еврей! Точно, настоящий еврей.

— А что он делает?

— Молится, наверное. Точно молится. Смотри, смотри, настоящий еврей и молится.

Оживший музейный экспонат. Наверное, подобный эффект мог возникнуть в каком-нибудь средневековом замке, если бы стоящие у камина рыцарские доспехи вдруг вытащили меч и приступили к фехтовальным упражнениям.

Евреев в Праге больше нет. Кроме туристов, разумеется. Вот их-то оказалось более чем достаточно. Но настоящих, местных евреев встретить так и не удалось. Может быть, они существуют где-то, в таинственном полумраке проходных дворов и комнат со стрельчатыми окнами, но их присутствие в современной Праге незаметно даже заинтересованному взору. Лишь тени великих предшественников мелькают на раззолоченных стенах роскошно отреставрированных синагог, превращенных индустрией чешского бизнеса в туристскую аттракцию.

Чехи зарабатывают на отсутствии евреев больше, чем на их присутствии. По району бывшего гетто бродят стада туристов, на входном билете администрация указывает маршрут вашей прогулки, с точностью до минуты предписывая, какую синагогу и когда вы должны посетить. Просто железнодорожное расписание какое-то, а не билет!

Бедный, бедный Мордехай Майзель! О постройке его синагоги сложено немало легенд, и одну из них я не могу не привести.

"Двести лет назад глава еврейской общины Праги рав Ицхак возвращался из дальней поездки. Наступил вечер, кучер, хвативший по причине мороза изрядную дозу сливовица, задремал на козлах, лошади сбились с дороги. Остановившись в густом лесу, они постояли несколько минут и вдруг вздыбились, заржали так, что раву Ицхаку стало страшно, а вмиг проснувшийся кучер кубарем слетел в сугроб.

Сквозь деревья мерцал синеватый огонек, лошади дрожали, но не двигались с места. Отводя в сторону покрытые инеем морды, рав Ицхак завязал им глаза и двинулся на свет.

Спустя несколько минут он оказался на поляне, посреди которой дрожало голубое сияние. Два маленьких человечка с длинными седыми бородами прилежно вытаскивали из сияния золотые слитки, наполняя ими огромный сундук. Некоторое время рав Ицхак наблюдал за их работой, а потом спросил:

— Для кого вы наполняете этот сундук?

— Не для тебя, — злобно ответил один из человечков и исчез. Вместе с ним пропали сияние и сундук, только несколько кусочков золота остались на снегу, посверкивая в лунном свете.

— Своим вопросом ты причинил себе огромный вред, — сказал второй человечек. — Золото предназначалось для тебя, но теперь его получит твой будущий зять. Только не ошибись, выбери его правильно.

Человечек исчез, три кусочка золота продолжали сверкать в лунном свете. Рав Ицхак задумался: его дочери недавно исполнилось одиннадцать лет, думать о замужестве было еще рано. Он подобрал кусочки золота и вернулся к лошадям.

Несколько дней рав Ицхак размышлял о том, как определить будущего зятя, и, не найдя ответа, решил прибегнуть к помощи Небес. Завернув кусочек золота в перепачканную тряпку, он выбросил его за окно.

"Того, кто подберет тряпку, — решил рав Ицхак, — наверняка направляет Высшее Провидение".

Окно выходило на оживленную улицу, но, несмотря на это, тряпка пролежала незамеченной почти до наступления темноты. Уже в сумерках пробегавший вприпрыжку мальчишка, одетый в лохмотья, одним движением подхватил ее и, не замедляя бега, скрылся за поворотом.

Удивленный странным распределением благосклонности Небес, рав Ицхак решил повторить проверку и на следующий день поступил таким же образом. История повторилась с устрашающей точностью: пробегавший мимо дома тот же самый мальчишка подхватил на бегу тряпку и исчез. Впрочем, далеко убежать ему не удалось: слуги рава Ицхака, простоявшие целый день на морозе в ожидании незнакомца, бросились вдогонку и заметили дом, в котором скрылся мальчишка.

Спустя час глава общины знал все о своем будущем зяте. Звали его Мордехай Майзель, его отец, прежде чем ослеп, работал носильщиком, а мать держала маленькую лавочку, доходов от которой едва хватало на нищенское пропитание. Семья была одна из самых бедных в общине, и породниться с ней раву Ицхаку казалось немыслимым.

На следующий день он спрятал последний кусочек золота в тряпицу и выбросил ее за окно. Результат оказался точно таким же. Деваться было некуда, но в качестве последней уловки рав Ицхак решил проверить моральные качества претендента. Приказал объявить в общине о пропаже золота; если мальчишка не вернет слитки, он — нарушитель закона, в таком случае рав Ицхак может со спокойным сердцем выбросить его из головы.

Мальчишка явился спустя полтора часа и, положив на стол рава Ицхака два кусочка золота, понурил голову.

— Третий я дал матери, чтобы она рассчиталась с долгами. Но мы вернем и его, как только сможем.

(Окончание на странице 6.)

ШЕСТЬ ПРОГУЛОК ПО ЕВРЕЙСКОЙ ПОМПЕЕ

(Окончание. Начало на страницах 4 — 5.)

— Почему ты не оставил себе все три куска? — спросил глава общины. — Ведь тебя никто не видел.

— Лучше я останусь бедняком, — ответил мальчишка, — чем получу богатство запрещенным путем.

"Небеса не ошибаются, — подумал рав Ицхак, — ошибаются люди в своих предположениях и расчетах".

На следующий день он отправил мальчика учиться в лучшую ешиву, а спустя четыре года обручил со своей дочерью. Пражские евреи были поражены странным союзом дочери самого уважаемого члена общины с сыном носильщика. Но рав Ицхак не обращал на пересуды никакого внимания, и спустя год пару повели под хупу во дворе Староновой синагоги.

После семи дней свадебного пира рав Ицхак решил, что пришло время забирать обещанный сундук. Вместе с Мордехаем он уселся в экипаж и отправился на то место, где несколько лет назад подобрал три куска золота. Зять с тестем провели в лесу целую ночь, но ни сияние, ни человечки, ни золото так и не появились. Раздосадованный рав Ицхак вернулся в Прагу, утешая себя мыслью, что время, видимо, еще не настало.

Прошли годы, пролетели многие и многие ночи, проведенные в лесу, и глава общины начал считать происшедшее происками злого духа, смутившего его разум. Разочаровавшись, стал все холоднее относиться к зятю, пока отношения между ними не стали раздражительными и тяжелыми. Тогда-то Мордехай Майзель вместе с женой покинул дом тестя и стал жить отдельно, открыв небольшое торговое дело. Благодаря честному характеру и незаурядному уму он всего за несколько лет сумел превратить дело в процветающий магазин.

Однажды к нему явился бедно одетый крестьянин и попросил о кредите.

— У меня сейчас нет денег, — сказал он, — но некоторые вещи, которыми вы торгуете, мне очень нужны. Не могли бы вы отпустить их в долг?

— Если они вам действительно нужны, — ответил Майзель, — возьмите их бесплатно. Появятся деньги — вернете, не появятся — считайте это подарком.

Обрадованный крестьянин собрал с полок нужные ему предметы и тут же предложил Майзелю выгодную сделку.

— У меня дома, — сказал он, — многие годы стоит огромный железный сундук, который никто не может открыть. В благодарность за вашу доброту я готов уступить его по цене лома.

Сундук Майзелю был ни к чему, но что-то в словах незнакомца заставило его принять предложение. На следующий день к магазину Мордехая подъехала телега с большим сундуком. Сундук еле стащили с телеги и водрузили на весы. Подсчитав полученные деньги, крестьянин обрадовался и уехал, благословляя Майзеля за щедрость, а себя за сообразительность. Больше его никто не видел.

Вечером Мордехай, вооружившись топором и долотом, приступил к взлому. К его удивлению, огромный замок слетел после первого удара. Удивление Майзеля переросло в оторопь, когда, откинув крышку, он увидел, что сундук заполнен золотыми слитками.

О находке Майзель не рассказал никому, даже жене. В том, что эти деньги дарованы свыше, он не сомневался и потому не чувствовал себя вправе использовать их на свои нужды.

На всякий случай он прождал целый год, ожидая возвращения крестьянина, и когда после тщательных поисков выяснилось, что ни в одной из окружающих Прагу деревень никогда не проживал такой человек, начал пользоваться полученным богатством.

Майзель направился к самому праведному из пражских раввинов и договорился о постройке синагоги, красивее которой не будет во всей Чехии. Раввин пообещал хранить в тайне имя дарителя, и работы начались. Наконец синагога была завершена, и со всей страны стали съезжаться евреи, дабы ознакомиться с великолепным зданием. Молиться в ней хотели все богачи Праги, и поэтому место стоило солидную сумму. Майзель, считавшийся к тому времени состоятельным человеком, тоже купил себе место в дальнем конце зала.

Прошли годы, Мордехай Майзель так и не раскрыл своей тайны, а золото из сундука понемногу передавал раввину для помощи беднякам и сиротам. Только перед самой смертью, когда стало известно, что дни Мордехая сочтены, раввин раскрыл имя жертвователя.

Рав Ицхак, доживший до глубокой старости, в великом смятении примчался в дом своего зятя. Не в силах вымолвить ни слова, он сидел у постели умирающего, и слезы катились по его щекам.

Вернувшись с похорон, жена вскрыла сундук. Он оказался пустым".

На следующий день мы купили билеты и пустились в путешествие по еврейским "музеям". Передавая кроны в окошечко кассы, я вспоминал неизвестного чешского крестьянина. Видимо, богатство, полученное Мордехаем Майзелем, было дано взаймы, и теперь пришло время его возвращать.

На старом кладбище, рядом с могилой Магараля, я достал привезенные из Израиля свечи, зажег их и принялся читать теилим — псалмы Давида. В течение нескольких часов я снова превратился в главную еврейскую достопримечательность Праги. Прочитать от начала до конца книгу "Теилим" — непростая штука, это занимает много времени и требует сосредоточенности. Но сосредоточиться оказалось непросто.

Выяснилось, что могила создателя Голема — не менее людное место, чем станция метро в часы пик. Группы туристов валили одна за другой, языки народов Европы и Азии несмолкаемым гулом висели над кладбищем. Редкое зрелище молящегося еврея вызывало возгласы удивления, сопровождаемые щелком затворов. По счастью, только фотоаппаратных. Но иллюзий у меня не возникало: часть присутствующих, будь у них возможность, для моего увековечения воспользовалась бы другим видом техники.

Изредка поднимая глаза, я натыкался на обнаженные женские пупки, откровенно просвечивающие кофточки, оголенные плечи — август в Праге, конечно, не израильское лето, но тоже весьма теплое время года. Ни в одну церковь туристов в таком виде бы не пустили, здесь же, кроме миниатюрных бумажных кипочек, предлагаемых у входа на кладбище, никто никому не препятствовал: ходи, как хочешь. Чем провинился Магараль, что возле его могилы бродят праздной толпой полураздетые чужестранки?

Еврейской Праги не существует. Но аура тысячелетнего еврейского присутствия в этом городе висит над улицами, словно серебристый туман. Дрожащее мерцание овевает кладбище и синагоги, прячется в камнях старых домов, точно рука кукольника в кукле. Чтобы ее увидеть, нужно раскрыть "Теилим" и произнести несколько слов на древнем языке. Стоит прикоснуться к ней мыслью, как она тут же возникнет перед вашим взором, прорастая сквозь бетон и позолоту реконструкций. Другая реальность, отсутствующая в мире и скрытая от нас всего лишь углом зрения.

— Ты не прав, — сказала Анна, прочитав эти строки. — Евреев нет, но могильные плиты, заполненные надписями, по которым скользят взгляды туристов, сохранились. Сотни тысяч людей платят за это зрелище немалые деньги, то есть усматривают в нем ценность. Тут тоже действует своеобразный контракт: дирекция "музеев" предлагает синагоги и кладбища как некую ценность, а посетители, платя деньги, подтверждают тем самым предположение дирекции.

Приехавший из другой страны турист, созерцая могильные плиты, на несколько минут соединяется со стоящей за ними духовностью, придавая ей новые силы. Он, живой и присутствующий здесь, становится в некотором смысле частью этой духовности и материальным воплощением тех, на чье отсутствие указывают надгробия. Каждый купленный билет есть доказательство непреходящей ценности исчезнувшей еврейской общины Праги.

Неподалеку от Майзелевой синагоги, у бывшей границы еврейского гетто, висит мемориальная доска: "На этом месте находился дом, в котором родился Франц Кафка". Прямо под мемориальной доской расставлены столики ресторана "У Кафки". Впрочем, ресторанные столики в Праге располагаются практически в любом месте, их можно обнаружить везде, кроме разве что усыпальницы чешских королей.

"У Кафки" в тот день подавали стейки из черной пиренейской свинки, холодное свиное колено и "утопленник".

О черной пиренейской свинке я никогда не слышал, но воображение моментально нарисовало некое милое и нонконформистское животное, свободно бегающее по Пиренеям. Представить его в роли съедобного мяса мое воображение отказывалось; никакое количество абсента не помогло бы превратить эту свинку в еду.

Пропустив первые два лакомства, я остановился на третьем. Интересно, какую часть утонувшего тела мертвого человека здесь подают и как часто такие тела обнаруживают во Влтаве? Дальнейшие предположения о квоте распределения филейных частей между ресторанами Праги были прерваны объяснениями официанта. Оказалось, что "утопленник" — это всего-навсего сосиска, утопленная в соусе из пива, а делают ее из самой заурядной свиньи, у которой, вероятно, предварительно выламывают колена.

Пока я забавлялся изучением меню, Анна рассматривала книжку, купленную на Старместской площади. Особенность книжного магазина заключалась в том, что он располагался в помещении бывшей фирмы Германа Кафки, отца писателя. Магазин назывался, естественно, "У Кафки", а книга "Франц Кафка и Прага".

Немного покружив по улицам, мы оказались перед заманчивой вывеской: "Ирландское кафе "У Джойса". Здесь нет незнакомцев, здесь только друзья, которых вы еще не встретили".

Из окон доносилась русская речь, сдвинув столики, тут сидела туристическая группа. В меню можно было не заглядывать: лица сидящих слишком напоминали то, что они ели. Избегая прикасаться к тарелкам, мы уселись в дальнем углу кафе, подальше от предполагаемых друзей, заказали неизменный черный кофе с рюмкой абсента и заговорили о литературе. О чем, как не о ней, можно рассуждать в кафе под таким названием? Речь пошла об энигматической общности, казалось бы, столь непохожих писателей: Кафки и Джойса.

* * *

Писатель способен увидеть то, чего нет, воссоздать отсутствующее, вдохнуть в него жизнь. Соединяя разрозненные факты, осевшие в его памяти, он формирует реальность, способную на несколько часов заставить другого человека отвлечься от существующего. Иными словами, писателю должно быть подвластно волшебство абсента.

Процесс создания текста можно разделить на два этапа. Первый — собственно написание, когда автор ведет диалог с прочитанными книгами. "Каждая книга говорит только о других книгах и состоит только из других книг", — утверждает Эко. Джойс хорошо вписывается в эту концепцию, Кафка — куда хуже.

На втором этапе начинается диалог между текстом и читателем. Главный вопрос этого этапа: на какой диалог рассчитывает автор?

Один тип писателей ориентируется на удовлетворение вкуса публики, такого, как он есть. Другой тип — в этом Джойс и Кафка сходятся — старается сформировать нового читателя. Когда Набоков писал своего "Соглядатая", читателя, так подробно впивающегося в извивы текста, на русском языке еще не существовало.

В первом случае автор начинает с некоего исследования рынка, а затем подстраивается под его законы. Такого рода книги могут оказаться удачными и весьма читаемыми.

Ознакомившись с рукописью одной известной израильской писательницы, я обнаружил, что она невольно повторила сюжет новеллы Борхеса. Писательница Борхеса терпеть не могла и этой новеллы не читала; сюжет она придумала сама. Я пустился в длинные рассуждения о довольно известном в литературе феномене повторения, упомянул "удар со стороны классика" и предложил ей вплести имя Борхеса в ткань повествования так, чтобы вместо копирования сюжета получилась литературная игра.

— Дорогой мой, — сказала писательница, — оставьте меня с вашим постмодернизмом. Я хочу, чтобы мою прозу читали не только вы и Миша Ю., а обыкновенные люди, не понимающие всех этих штучек.

Проблема в таком подлаживании под читательский вкус проявляется на второй или третьей книге; шаблон, избранный писателем, начинает сжимать его воображение, подобно удаву.

Второй тип предполагаемого диалога — менее благодарный для автора, но может оказаться куда более перспективным. Автор указывает читателю, чего хотеть, кого любить, на что обращать внимание. Он формирует новый вкус и нового читателя. Редкий сплав интуиции, мастерства и удачи. Удается такое немногим, но если удается — можете рассчитывать на мемориальную доску на доме, где вы родились.

Оборотная сторона такой концепции породила широко распространенное мнение, будто текст пользуется успехом у читателей, только если он развлекает. Публика получает то, чего она хочет, а значит, произведение ничего нового в себе не несет. Успех превратился в дурной знак, а популярность — в символ недоброкачественности.

Главным показателем ценности работы стал скандал. Отсюда попытки авторов шокировать публику ненормативной лексикой и эротическими описаниями. Авторы ищут скандала, не понимая, что настоящий литературный скандал приносят структура и философия текста, а не дурно пахнущие подробности.

Еще один забавный эффект литературы как гипертекста, разработанного Джойсом: невозможность простого описания. Современный автор слишком образован, дабы позволить персонажу произнести фразу типа: иду к "Максиму" я, там ждут меня друзья. Слишком, слишком просто! Но если он промолвит: как неоднократно упоминается в "Веселой вдове", иду к Максиму я, — фраза будет принята, удовлетворив голод цитирования и зуд образованности, хотя, в конечном итоге, персонаж все-таки идет к "Максиму" и не более.

* * *

Последний вечер в Праге мы провели на Старместской площади.

"Здесь была моя гимназия, — рассказывал Кафка своему учителю иврита Фридриху Тибергеру, — там, в здании, которое виднеется на другой стороне, — университет, а немного дальше слева — мое бюро. В этом маленьком кругу, — он обвел пальцем площадь, — заключена вся моя жизнь".

Сидя за столиком кафе "Милена", мы наблюдали, как медленно угасают краски на фасадах домов, как яростно багровеют в лучах заходящего солнца шпили ратуши, как собираются толпы туристов поглазеть на "астрономические часы".

Солнце скрылось, и после недолгих сумерек площадь осветили фонари. Аккуратно и точно расположенные прожектора выгодно подсветили архитектурный ансамбль, придав ему новое очарование. Только черная громада памятника Гусу осталась неосвещенной: это не на потребу туристам, это святое.

Желтые шары фонарей рассыпали по брусчатке площади золотые блики, аромат свежесваренного кофе переплетался с влажным дыханием сумерек. Дневная Прага исчезла, волшебное покрывало темноты обратило тени дрожащей под ночным ветерком листвы в силуэты исторических персонажей, а легенду — в предание.

— Абсент, — произнесла Анна, — словно прожектор, высвечивающий одни контуры и скрывающий другие, создающий ночной город, отличный от того, который мы видим днем. Тончайшее равновесие между существующим (present) и не существующим (absent), наполняющим и опустевшим, присуще Праге, и символом этого равновесия является абсент!

Кафе располагалось возле дома, куда ходил в литературную студию Франц Кафка. Наблюдая за бойкой торговлей, я думал, что Кафка, проработав больше десяти лет служащим страховой компании, не получил за все время своей службы даже трети вечерней выручки кафе, названного в честь его возлюбленной. Деньги и литература несовместны.

Презрев религию, оставив общину, оторвавшись от семьи ради писательства на немецком языке, Кафка представлялся евреям Праги странным насекомым. Так же, как и Грегор Замза, Кафка перед смертью пришел к заключению о бессмысленности своего существования и приказал Максу Броду сжечь рукописи неопубликованных романов. Брод не выполнил завещания друга, в результате чего европейская литература обогатилась еще одним писателем. О вреде, нанесенном душе Кафки поступком Брода, нам предстоит узнать после наших ста двадцати.

"Путеводитель по Праге" лежал на столике между двумя чашечками "эспрессо". На одной из его страниц мы обнаружили небольшую заметку.

"Современный абсент безопасен, — утверждал "Путеводитель", — поскольку содержит незначительное количество туйона. Рассказы о якобы переживаемых галлюцинациях можно полностью отнести на счет воображения рассказчиков".

Мимо катили расфранченные экипажи пражских извозчиков: уши лошадей закрывали красные шапочки, гривы украшали разноцветные ленты, тихо звенели колокольчики в сбруе, а сами экипажи походили на сказочные кареты, везущие туристских Золушек на королевский бал в картонный дворец. Ведь их платья, лошади, кучера, лакеи на запятках — не более чем плод абсентного воображения.

Да и сам Кафка, главная туристская аттракция Праги, такой, каким его представляют себе десятки тысяч любителей литературы, — миф наподобие Золушки. Возможно, такого Кафки никогда и не существовало, как и дурманящих свойств абсента.

"Сто лет назад, — утверждал "Путеводитель", — стремительно растущая популярность этого напитка начала приводить к снижению потребления вина. Лобби производителей вина распустило слухи о "зеленой пагубе человечества" и добилось запрещения абсента".

Распрощавшись с очередной иллюзией, мы перелистали "Путеводитель" вдоль и поперек, но больше не нашли ничего нового. Шесть рекомендуемых маршрутов были пройдены от начала и до конца.

Золотая Прага, золоченая еврейская Помпея, тихо погружалась в глубину памяти, несмотря на то, что вершины ее ратуши, подсвеченные прожекторами, еще сияли перед нашими глазами.

Яков ШЕХТЕР.

ЧЕЛОВЕК НЕГРОМКОГО ОБАЯНИЯ

Это был удивительный человек — человек негромкого обаяния. Он не был звездой первой величины в одесской литературной компании, не был прилежным летописцем одесской школы. В. Катаев в повести "Алмазный мой венец" назовет его "наследником". Казалось бы, что может быть значительнее — но Катаев просто повторит название его первого романа.

Во многом представление об Одессе формировалось благодаря его книгам и пьесам. Написанная в 1932 году пьеса "Интервенция", — веселая при всей трагичности, смешная, грустная и во многом пророческая (можно вспомнить лишь одну реплику: "Революция тебя обманула. Контрреволюция тебя обманула".) Повесть "Мои земляки", написанная в 1942-м (по ней поставили фильм "Два бойца", в котором одессит Аркадий Дзюбин спел "Шаланды, полные кефали"). И никто потом не верил, что исполнявший песню Марк Бернес — не одессит.

Пожалуй, он был самым "военным" в этой шумной компании. Воевал на четырех войнах — первой мировой, в Монголии, на финской, Великой Отечественной. Внешне совершенно штатский человек, он обладал спокойным, непоказным мужеством.

Лев Исаевич Славин родился 27 октября 1896 года в Одессе. В доме на улице Нежинской на втором этаже живут Славины: отец Исаак, мать Соня и их дети — сын Лев и дочери Нюся и Муся. Лев увлекался гимнастикой, иллюзионом и чтением. Он не только читал запоем, но и приохотил к этому всех своих приятелей. "Отказать в книге — все равно что отказать голодному в куске хлеба", — говорил он. В шумной компании гимназистов (а учился Славин в гимназии Илиади) голос хозяина звучал не так уж и часто, но к его ироническим репликам все охотно прислушивались. Это роднило его с Ильей Ильфом — та же ирония, немногословность, четкость формулировок. Но с Ильфом Славин познакомится позднее. А пока — начинается первая мировая, и Лев Славин будет призван как вольноопределяющийся. Именно эти события и лягут в основу его романа "Наследник".

С 1918 года он в Красной Армии, в 1920-м вернется в Одессу, где кипят поэтические страсти. Знакомится с Багрицким, Олешей, Катаевым, Ильфом. В те годы в Одессе Ильф и Славин очень сдружились. Они были похожи даже внешне — худощавые, стройные, по-европейски элегантные даже в потрепанных вещах Илья Ильф и по-солдатски подтянутый Лев Славин. Их роднила и манера поведения — не шумная, напористая, а спокойная, ироничная.

Долгие годы завсегдатаи одесского литературного кафе поэтов "Мебос" (в расшифровке — меблированный остров) вспоминали постановку поэмы Багрицкого "Харчевня". Средневековая Англия, объявлен турнир поэтов. Два молодых поэта — их играли Ильф и Славин — по дороге в Лондон останавливаются в трактире. И кто же его хозяин? Самый известный поэт, ныне ставший трактирщиком (его играл Багрицкий). Хозяин убедительно слагал оду еде, и доказывал преимущества жизни сытого трактирщика перед жизнью голодного поэта. Багрицкий с его пантагрюэлевским гурманством был более чем убедителен — время было голодное, и в качестве платы за зрелище просили приносить не деньги, а съестное, которое дружно уничтожалось по окончании постановки. Однако в реальной жизни литературе никто не изменил.

В 1924-м Славин перебирается в Москву, работает в газете "Гудок", через которую прошли все одесситы, кроме И. Бабеля и Э. Багрицкого. Пишет повесть "Наследник", затем пьесу "Интервенция". К нему приходит слава. Он женится на Софье Наумовне.

Как и его друг Ильф, Славин женился раз — и на всю жизнь.

А потом начинаются войны. В Монголии Славин познакомился с Г. Жуковым. Говорят, есть "офицерские" и "солдатские" журналисты. Первые пишут о стратегии, военачальниках. Вторые — об окопной жизни. Славин был из вторых. Полтора блокадных года в Ленинграде. Однажды в зал гостиницы "Астория", где размещались журналисты, попала зажигалка. Все разбежались. Славин вытащил пальму из кадки и корнями ее затоптал огонь. Закончил войну Славин в Берлине. Орден Красной Звезды получил по приказу маршала Жукова.

Но вскоре начинается борьба с космополитизмом, раскрытие псевдонимов, бурные обличения. Славину поставили в вину (кроме происхождения, разумеется) пьесу "Интервенция" — за ее антиисторизм, развлекательность и т. д. Естественно, перестали печатать. Семью (а со Славиным жили родители) спасала Софья Наумовна. Она переводила, преподавала, писала инсценировки для кукольного театра. Только через 9 лет, в 1957-м, вышла очередная книга Льва Исаевича. Он писал книги о Ярославе Домбровском, Белинском, Герцене, Чернышевском. Вспоминал об ушедших друзьях — Олеше, Ильфе, Петрове, Бабеле, Багрицком, Платонове, Кольцове.

В 1967 году молодой режиссер Г. Полока снял фильм по "Интервенции". Он Славину не понравился. Но, когда "сверху" было принято решение не выпускать ленту в прокат, он счел своим долгом защищать ее.

Вполне процветающий (по меркам тогдашнего времени) писатель оставался верен себе. Деньги тратились на путешествия с Софьей Наумовной в Польшу, Венгрию, Чехословакию. Однажды в гостях, где Славин был самой важной персоной, хозяйка обеспокоенно заметила, что он ничего не ест. Она испуганно спросила: "Невкусно?" Славин смущенно ответил: "Вы знаете, у меня нет вилки".

Ему было неудобно сказать об этом раньше, чтобы не поставить хозяйку в неловкое положение.

Лев Славин приезжал и в свой родной город, о жителях которого когда-то давно, еще в двадцатые, написал чудный рассказ "Одесские гасконцы".

Ему исполнилось восемьдесят лет. Юбилей отмечался в Доме литераторов, в президиуме сидели Катаев, Трауберг, Плучек. Что характерно, орденов юбиляр не надел. В восемьдесят пять Союз писателей предложил устроить официальный банкет. Славин отказался, и прием устраивал не в ресторане, с безликой массой приглашенных, а дома, с друзьями — старыми и молодыми. По случаю восьмидесятипятилетия его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Двух лет не дожил он до девяноста. На похоронах Льва Исаевича кто-то тронул Софью Наумовну за плечо. Она обернулась. Перед ней стоял Катаев со слезами на глазах и показывал палец. Потом с трудом выговорил: "Один... Я остался один". Катаев остался последним из знаменитой южнорусской, юго-западной школы.

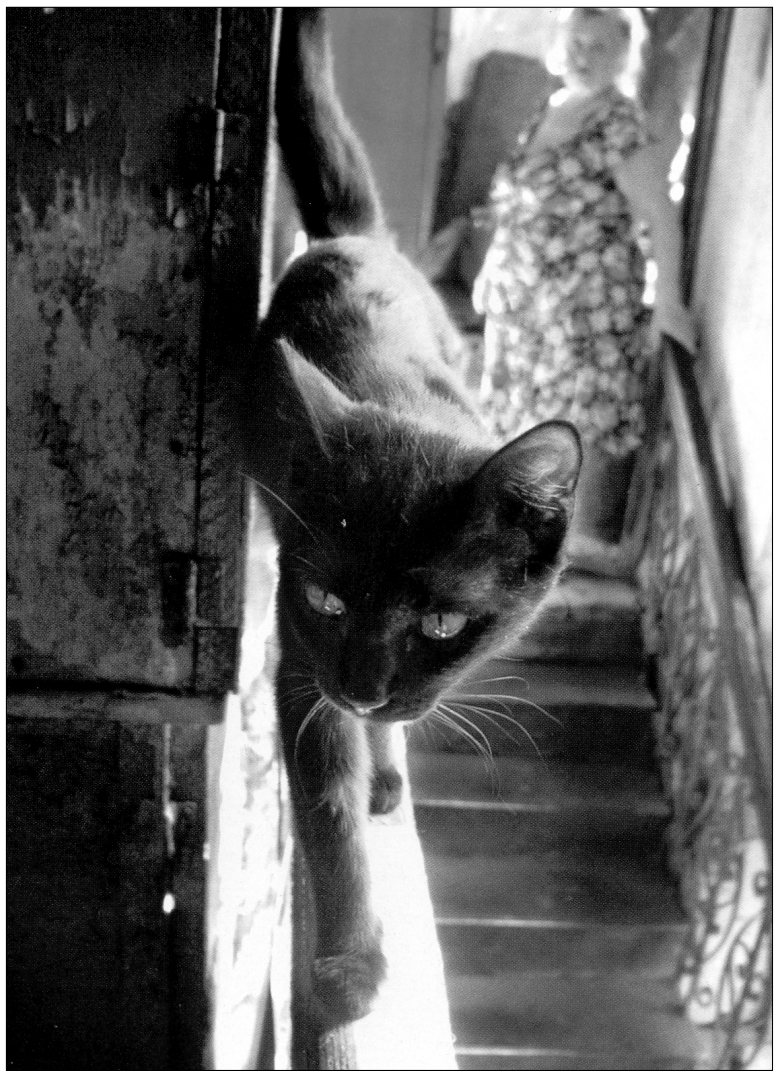
Южнорусская, юго-западная, одесская продолжает жить в книгах. Не только Бабеля, Ильфа и Петрова, Катаева, но и в книгах человека с негромким голосом — Льва Исаевича Славина.

Алена ЯВОРСКАЯ.

КОТО-ВАСИЯ

Как вы думаете, кто может стать героем художественной фотосъемки? Для 27 фотохудожников из Одессы таким героем стал... кот. Обычный кот, который в глазах профессионалов вдруг приобретает черты то фотомодели, то торгаша, то акционера... Десятки снимков с изображениями братьев наших меньших легли в основу своеобразного кошачьего бенефиса - фотоальбома, прекрасно изданного в Херсоне издательством "Надднепряночка".

В этом номере "Всемирных одесских новостей" - лишь малая часть прекрасных фоторабот...

МаХа
***

МаХа
***

Георгий Исаев
"Бойцовский клуб"

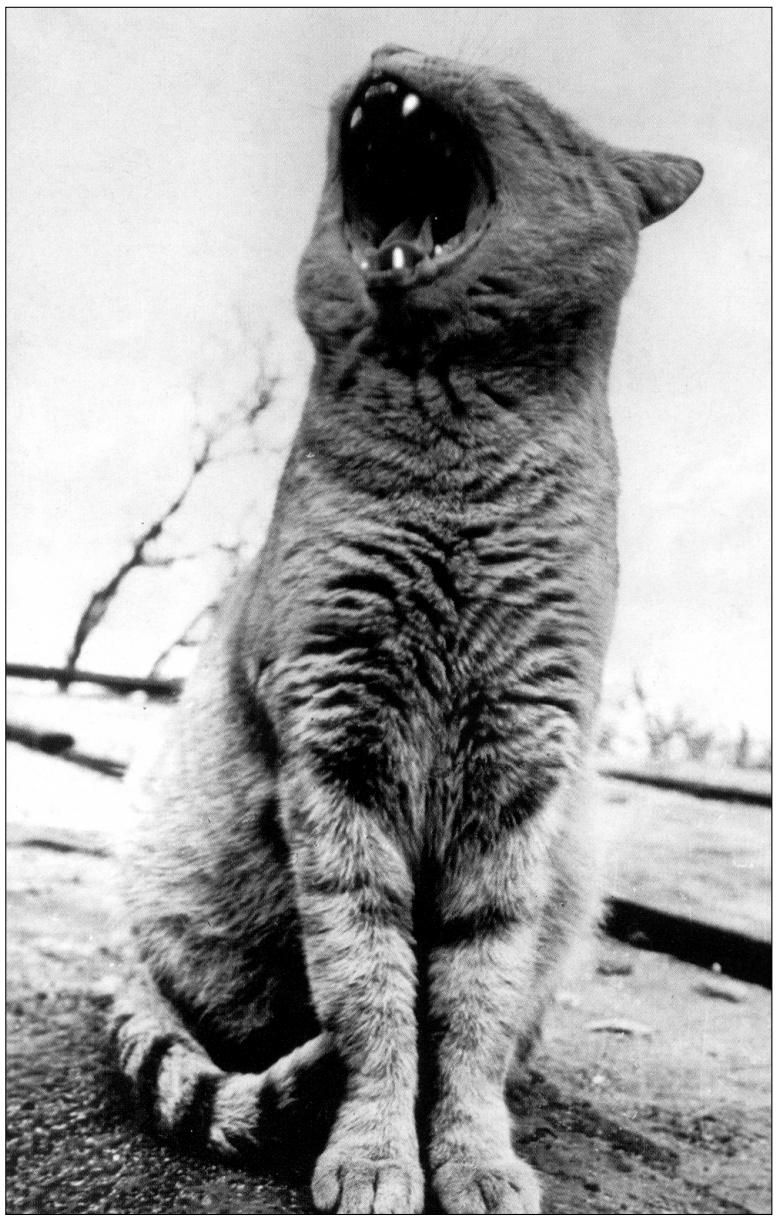
Владимир Мамаев
"Жизнь прошла"

Дмитрий Зюбрицкий
"Кот Диоген"

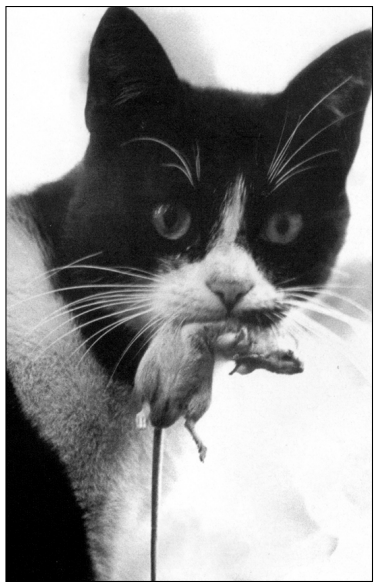
Владимир Мамаев, Ольга Василькова
"Хочу есть!"

Юрий Бойко
"Весна"

Александр Вотинов
"Кот-философ"

Георгий Муляр
"Без шуток"

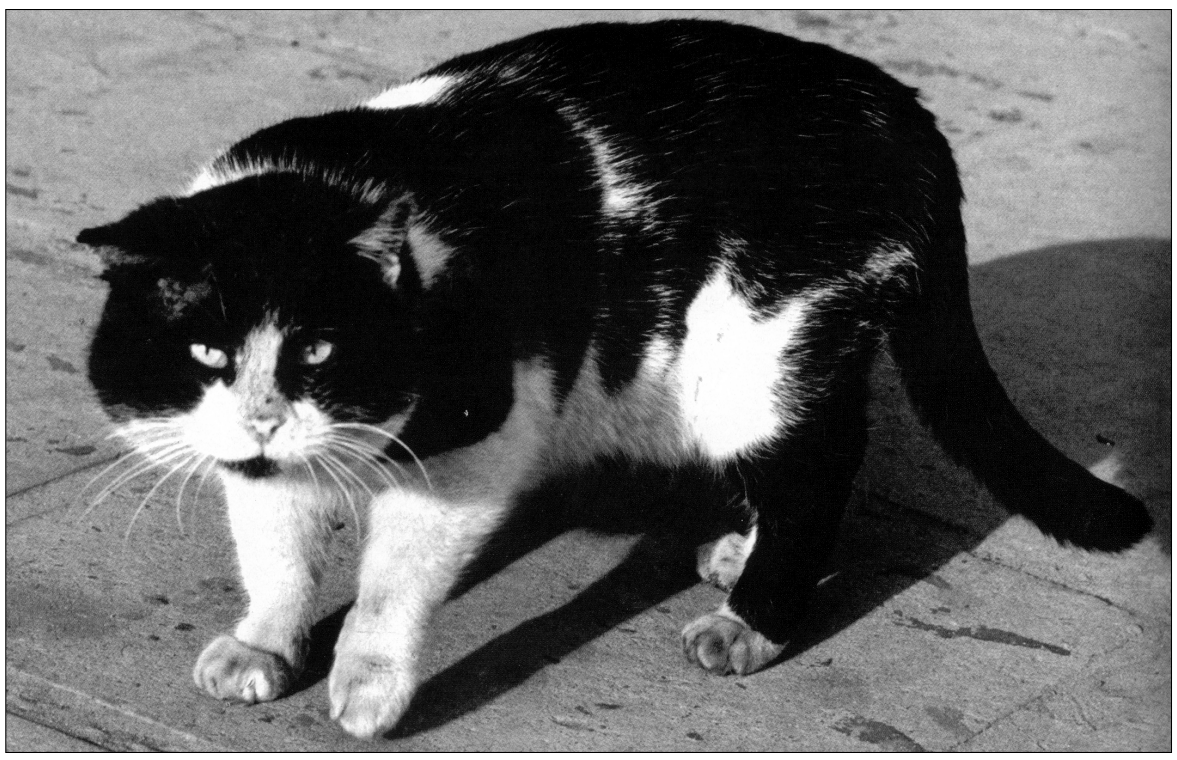
МаХа
***

Александр Синельников
"Потерялся"

Сергей Поляков
***

Степан Алекян
"На разборку"

Валентина Опольская
"Барсик-фотомодель"

КОГДА СОДРОГАЕТСЯ ВСЕЛЕННАЯ

...На этой планете нет растительности. Нет пищи. Здесь ОНИ выращивают разум для всей Вселенной. Стоят возле величественных серых валунов, наполненных знаниями, и думают. Обо всем. ИМ это под силу — ОНИ знают вехи всех эволюций в разных уголках Вселенной. На черном полотне неба ИХ мысли превращаются в разноцветные линии и, сплетаясь в живые узоры, быстро уносятся вдаль, словно боятся, что их перечеркнут. Живые иероглифы бегут в миры, где реальность расчерчена на квадраты. Большие, малые квадраты, в которых материализуются картины вечности...

У этой планеты нет солнца — она свободно движется в бескрайних просторах Космоса. ОНИ вглядываются глазами цвета стали в черноту неба и ждут. Будущее, прошлое, настоящее... Никакой последовательности. Никакой предопределенности. Взрыв разума... ОНИ бесстрастны. Вечность учит бесстрастию. Но не бесчувствию — ИХ поток восприятия почти беспределен.

Где-то вспыхивают сверхновые...

Где-то, на маленькой планете, озабоченно суетятся люди...

Где-то рождается ребенок... Первенец...

И каждый раз Вселенная содрогается. ОНИ радуются, когда Вселенная содрогается — значит, не все еще потеряно.

***

— Тужьтесь сильнее. Еще немножко... Самую малость. Вот уже голова показалась... Какая большая. Наверное, мальчик. Все! Он у меня! Нет, это девочка!

Врач с белой повязкой на лице держит в руках малышку, внимательно разглядывая ее. Роженица улыбается — она давно знала, что у нее будет именно дочь. И знала, как ее будут звать — Ева.

— Какие огромные глазищи! И личико не морщинистое, красное, а чистое, белое... Странно, — недоумевает врач.

— Наверное, потому что я во время беременности пила много молока и соков, — смеется молодая мама.

— Может быть, — бормочет медик, укладывая малышку рядом с матерью.

...Двадцать лет по ИХ времени ОНИ трудились, чтобы создать эту форму. Нашли мужчину и женщину, способных к воспроизведению именно этого существа, модифицировали их гены, снабдив необходимыми качествами, и теперь оставалось самое малое — наполнить форму содержанием. Взяв с каждого валуна по небольшому сегменту знаний, ОНИ перемешали все это и распылили над будущими родителями, когда те сидели на лавочке в парке, держась за руки и обсуждая, каким будет их ребенок.

— Извини, что лезу со своими дурацкими вопросами... Я знаю, ты недавно родила дочь, но... жива ли она? — спрашивает соседка Рая, стараясь не глядеть Наташе в глаза.

— Конечно, жива, — отвечает молодая женщина.

— Слава тебе, Господи! А то я не знала, что и думать. Ведь наши квартиры рядом, а я еще ни разу не слышала плача малышки.

— Она никогда и не плачет. Сама удивляюсь, — смеется Наташа.

Девочка и в самом деле не плакала. Тихо лежала в своей кроватке и спала. А когда бодрствовала, задумчиво смотрела своими глазищами на родителей, словно знала, о чем они думают. И все-таки однажды она напугала их, исчезнув из кроватки на шестьдесят минут. Куда? Родители не знали. Перевернув вверх дном всю квартиру, Наталья и Анатолий в отчаянии смотрели друг на друга. И вдруг услышали тихое сопение дочурки. Она лежала под кроватью и мирно спала. Объяснить этот случай они не могли, им было невдомек, как мог ребенок трех месяцев от роду, плотно запеленутый, выпасть из кроватки с высокими боковинами. Вскоре им стало не до объяснений — Ева заболела воспалением легких.

***

С момента рождения ОНИ наблюдали за девочкой. Она развивалась нормально, была спокойной и хорошо ела. Первое время ИМ казалось, что она сможет адаптироваться к земным условиям. Но вскоре показатели душевного спокойствия ее матери стали тревожными — женщина узнала, что Анатолия заберут на полтора года в армию. Три месяца оставалось до его отъезда, а вирус депрессии прочно овладел Натальей. Это не могло не сказаться на Еве. Она перестала есть и спать. Если бы ей было пять лет, ОНИ не беспокоились за развитие малышки, но сейчас ей не под силу "переварить" опасный вирус. К нему у нее пока нет иммунитета. Пришлось решаться на крайние меры — привить девочке необходимую для выживания вакцину. Они сомневались, выдержит ли ее разум подобную процедуру, ведь вакцина слишком опасна. Ее компоненты — самые негативные мысли и эмоции человечества. Весь этот негатив веками накапливался в поколениях и передавался по наследству. Однако гены Таисии намеренно очистили от этого "мусора", иначе не получился бы эксперимент по внедрению в человеческое тело разумной субстанции неземного происхождения.

...По земным меркам ровно шестьдесят минут необходимо для вакцинации. Первые минуты после введения препарата были для малышки самыми болезненными. Она не кричала, и, тем не менее, ОНИ чувствовали ее боль, ведь у девочки был такой же разум, как у НИХ — способный ощущать даже самую малую боль. Теперь оставалось ждать, сможет ли малышка перенести такую нагрузку.

— Пневмония — болезнь опасная. Ее необходимо лечить в стационаре, иначе могут быть осложнения, — сказал врач, и под вой сирены "скорой" девочку увезли в больницу.

— Маленькая, а такая мужественная. Даже не плачет, когда ей делают внутривенные инъекции, — удивлялась пожилая медсестра, а девочка тем временем лежала в палате интенсивной терапии, спокойно разглядывая врачей и перепуганных родителей, и в ее глазах искрилась любовь.

***

Печалится небо. Потоки воды обрушиваются на город, размывая его границы. Пропитанный грязью мир вызывает у трехлетней Евы сонливую слабость. Тук-тук в окна, как-кап с крыши... Девочка сидит на подоконнике, скрестив ноги, и глядит задумчиво "в никуда". На душе покой и тишина. Приятная отрешенность заполняет все существо. Дети зовут ее на улицу. Они смеются, бегают по лужам, строят рожицы, прыгая, словно маленькие козлята на лугу. Но Ева безмятежна. Далека от забав и шалостей. Она играет в Покой. Покой теплый, умиротворяющий. Вот она превратилась в дождь, заполнив собой улицы города, каждой своей клеточкой проникла в воздух, а затем стала частичкой большого механизма, вращающего жизнь. Она почувствовала движение воды, льющейся из водосточной трубы, втиснулась вместе с каплями дождя в резиновый сапог прохожего, завертелась с током его крови по телу, ощущая щекотку, утяжелилась громким звуком "апчхи!" и через нос выкатилась на руку маленькому мальчику. Мимолетное соприкосновение... Внезапно все меняется. Она видит, как мальчик падает и разбивает колено, она слышит его крик, и боль наполняет ее душу. На безмятежном личике девочки появляется страдание, и... глаза вбирают в себя детали реального мира: крашеный подоконник; стекла, забрызганные грязью; люди, спасающиеся под зонтами от дождя, усталые, пропитанные сыростью; и она — такая маленькая и одинокая, в городе суеты и напряжения. Только что была Миром, а через минуту стала его легкой песчинкой. Отрешенность отступает, и душу заполняет тоска. Тоска непонимания, боль потери. Словно кто-то вырвал ее из уютного, теплого счастья и бросил на острые камешки...

...Ева стоит на морском берегу. Под ногами песок, а в глазах море.

— Мамочка! Какой красивый мир! — восторженно кричит она.

— Это всего лишь его маленький кусочек... — улыбается Наталья.

— Я всегда любила море, — нараспев говорит девочка.

— Но ты познакомилась с ним только сегодня!

— Но я всегда знала его, — удивленно бормочет Ева.

Ее пытливые глазенки вбирают в себя все образы морского пейзажа, сортируют, заполняя ими кладовые памяти. На всякий случай. Пригодится! Память... Внезапно она вспоминает пустынный берег, не такой крутой, как сейчас, а плавно уходящий в море. Она стоит по колено в воде, а впереди — мраморные ступени и высокие колонны с круглым куполом...

— А где беседка? — невольно вырывается у нее.

— Какая? — интересуется мама, оглядываясь по сторонам.

— Да так... — отмахивается девочка.

Ей не хочется говорить — видение стало ее тайной. И его — в кладовые. Воздух чистый, свежий... Захотелось спать... все вокруг завертелось, заплескалось цветными шариками.

— Я вижу пузырьки воздуха, — ахает Ева.

— Это фантазии, — улыбается мама.

— Но я вижу...

— Человек не может видеть воздух, — терпеливо возражает Наталья.

Девочка на минуту задумывается, наблюдая за движением ярких пузырьков. Они сталкиваются друг с другом, взрываются радужными брызгами и снова появляются.

— А небо человек может видеть? — интересуется она у мамы.

— Небо — может, — усмехается та.

— Но пузырьки воздуха я вижу, как небо. Значит, небо — тоже фантазия? А ты — мама или фантазия? Ведь и тебя я вижу, как пузырьки...

...ОНИ знали, что ей будет тяжело уместить в себе две разные составляющие — земные понятия и неземной разум. ОНИ боялись, что однажды она может не выдержать этого раздвоения и по земным понятиям станет... сумасшедшей. Такая вероятность грозила не ей одной, так как на планете Земля люди старались придерживаться только одной реальности, называя ее единственной, и всех, кто пытался доказывать обратное, помещали в дома для умалишенных или изгоняли из общества. Чтобы этого не произошло, ОНИ решили, пока Ева маленькая, контролировать все ее мысли и чувства.

Ее чувства были противоречивыми. Она до боли любила людей и всегда прощала им обиды. Ей было понятно: с таким тяжелым грузом негативных мыслей и эмоций им нелегко жить. Ее душа по-матерински мучилась, видя страдания человеческих существ. Какие они были в детстве? Открытые, любознательные, наполненные идеями, планами, любовью. А в старости... обессиленные, часто опустошенные, циничные и ненавидящие мир. Кто за это в ответе?

***

...Ева перестала ИХ чувствовать с того самого момента, как осознала, что не может помочь человечеству. Помочь так, как задумали ОНИ. Ее разум давно определил, что нужно людям: любовь, понимание, сопереживание, забота, нежность. А ОНИ думали, что Ева станет самым большим на Земле зеркалом, поверхность которого отразит скрытые пороки любого человека. Они были уверены: человечество может измениться к лучшему только в одном случае — столкнувшись лицом к лицу со своим душевным уродством.

Ева не согласилась с этим. Она знала: чаще всего люди не верят своим глазам, встречаясь с теми, кто напоминает им собственное несовершенство. Она видела в сердцах многих из них ненависть и желание во что бы то ни стало уничтожить "зеркало". И понимала: большинству человеческих существ проще воевать с внешним врагом, чем со своим внутренним, проще ненавидеть кого-то, чем научиться любить по-настоящему самих себя, проще обвинять во всех бедах, которые когда-либо случаются, не себя, а семя убийцы... Каиново семя, которое, по их мнению, вот уже много веков подряд распространяется, подобно заразе, заставляя людей совершать страшные преступления. Многие люди ненавидели Каина, не замечая того, как сами нередко превращаются в убийц, уничтожая все самые светлые и радостные чувства не только в своих сердцах, но и в сердцах своих друзей, родственников и даже собственных детей.

...Ева смотрит в окно. Снова наедине сама с собой, наедине со своими мыслями. Который год она пытается ухватить кусочек неземной истины, но ее разум по-прежнему рисует мир, состоящий из ассоциаций и образов миллионов людей. Ассоциации рождают страхи, а образы пугают своей откровенностью. Ева видит человеческие жизни, сотканные из взлетов и падений, света и тьмы, радости и боли. Боли больше, и она разрастается, охватывая все ее существо, такое детское в своем желании помочь всему человечеству и беспомощное от осознания невозможности этого.

Сомнения... Их у Евы с каждым прожитым на Земле днем становится больше. Как изменить мир, в котором нет стержня, даже при наличии огромной армии людей, именующих себя верующими? Чего они ждут? Конца света? О чем мечтают? О будущей жизни на небесах? А о настоящей здесь, на Земле? Смириться. Вот их основной постулат. Войны, уносящие сотни тысяч людских жизней в обмен на миллиардные прибыли; терроризм, ставший "нормой" современного общества; детская смертность, перечеркивающая будущее не одной семьи; биологические эксперименты по внедрению особо опасных вирусов в странах "третьего мира"; подчинение слабых государств сильными; планомерное завуалированное "стирание" инакомыслия с целью "усреднить" человечество; искоренение маргиналов; распространение наркотиков и псевдотеорий изменения сознания; намеренное искажение идеи человеческого братства и единства... Смириться с ЭТИМ? Ей становится больно. Из глубины ее уже получеловеческого разума вырываются строки:

В небе — белые облака,
На Земле — летят века,
страхами объятые.
Оперенье мятое
У вернувшихся с небес.
Словно черноглазый бес
Держит на цепи давно.
Люди спят. Им — все равно.
Безразлично, апатично
и привычно
— Все равно.
Не особенный размах
крыльев белых, обгорелых,
Кровью, войнами пропах
Дом-Земля, удел незрелых.
Бессознательный экстаз,
Жизнь во сне —
не в первый раз...
Гармонично, не "обычно",
не цинично
— Не для нас...

...Она повторяет эти слова снова и снова, сначала шепотом, потом громче, не в силах остановиться. Слезы текут по ее лицу, но она не замечает их. "Я хочу все изменить! Начать сначала!" — кричит она и замирает, глядя на небо в ожидании...

...ОНИ услышали Еву. Ее зов был подобен взрыву, сметающему все на своем пути. Он длился несколько секунд по ИХ времени, но успел затронуть самые отдаленные уголки разных миров. Разум биллионов разумных существ активизировался, запульсировал и вошел в резонанс. Несколько минут вселенского переворота, и зазвучала мелодия Большого взрыва. Сотни миллиардов светящихся мотыльков разлетелись в разные стороны единого пространства, заполняя собой все существующие пустоты и стремясь поскорее добраться до Земли...

...Она смотрела в небо, а миллионы светлячков, похожих на микроскопические снежинки, кружили в медленном танце, призывая ее следовать за ними. Ева понимала, что находится на краю огромной бездны, которую предстоит преодолеть. Несколько секунд она медлила, а затем решительно шагнула. В ту же секунду время остановилось. Прошлое, настоящее, будущее стало осознанной реальностью, превратившись в единое целое. Ева парила в слабо освещенном пространстве, и в ее душе не было страха. Внезапно яркий луч света разорвал темное пространство бездны, освещая ее до самого дна. Он проник в душу Евы, заполняя ее сиянием жизни миллионов людей, живших на Земле во все времена. Она прошла через их жизни, страдания, смерть и стала вместилищем всех земных душ. Луч света вспенил море, и оно расступилось, открывая проход на другой берег. В мир, где ее давно ожидал Единственный, имя которому — Адам.

***

...Абрикосовое небо, бледно-розовые закаты и рассветы, освещающие фиолетовое тело новой планеты. Необычно яркое и теплое солнце. Адам и Ева стоят на берегу океана, рассматривая свой будущий мир. Они понимают — только от них зависит, каким он будет. Адам теперь знает, как оживить планету, не породив на ней агрессии и злобы. Он делится с Евой планами на будущее, а она думает об одном: как назвать первенца, которого уже носит во чреве. Ей хочется дать ему имя — Каин, но человеческая память протестует сотнями людских голосов, которые вопят, что за ним стоит убийство, изменившее раз и навсегда историю человечества. Ева стоит в задумчивости, прислушиваясь к самой себе, и вдруг среди всех этих криков слышит какие-то слова. Из глубины души рвется голос — ее голос, который шепчет: "Я и Адам в ответе за то, что Каин стал убийцей. Мы были не готовы к тяжелой жизни на Земле, а мстили за потерянный рай сыну. Мстили своей нелюбовью". Ее душу пронзает боль. Чувство вины разрывает ее разум, и она, протягивая руки к небу, в отчаянии шепчет: "Прости меня, Каин!" Через несколько секунд откуда-то издалека слышится тихий, почти беззвучный голос: "Я люблю тебя, мама, и... прощаю!" Эти слова разрывают небо абрикосовой планеты и летят во Вселенную, затрагивая ее своей сутью. Они проникают в самые далекие миры и несутся к Земле, чтобы подарить ей любовь и освобождение...

Татьяна ОРБАТОВА.

Ольга Ильницкая

ПРОГУЛКА ВДОЛЬ ОБМОРОКА

Не получается. Ускользаю. Опадаю. Вот: слышу вас, Фа и Ли, еще слышу. Но незачем говорить.

Хорошо исчезать в книжном магазине, с Бахтиным в руках, с Померанцем в сумочке, с Ли и Фа за спиной.

Впереди дорога между Небом и Землей. Я уже немножко не я, а "чистый разум". И в нем отражаются звезды и тайны. Я отражаюсь и слышу, как бьют по щекам. Пальцами веки раздвигают, вовнутрь заглядывают. Что видят?

Все залито молоком из чашки, перевернутой в детстве. Мышка бежала, хвостиком махнула, мама подолом лужу промокнула. С тех пор в голове молоко плещется, через край проливается в жизнь, где вопросов немеряно: ты слышишь нас? Глаза открой! Как часто в обморок впадаешь? Где ты так долго пропадаешь? Да отвечай же, боже мой!

Все тише голоса, все больше молока — это кровь моя белеет, из нее уходит жизнь. Лишь сгущенный сладкий смысл остается.

Здравствуйте, милые, ясноглазые. Какое вольное дыхание у времени. Дихотомия смерти и жизни отпустила, и свет настольной лампы согревает ладонь, на которой лежит стеклянный шарик Мира.

Хочется конкретного.

Поэт Миролава в шерстяном свитере захлопывает дверь такси, вновь открывает, сосредоточенно целует мою руку, рука белее молока.

Мороз семь градусов, машина уплывает, поэт красив и, отдаляясь, тает.

Мы едем мимо Александр-Хаоса, я вижу, что тебя в нем нет. Воскресенье. Ночь.

Мне жаль, что у тебя есть более серьезные и интересные вещи, чем я.

Как интересно это!

Я боюсь, что отнимаю у тебя время, когда говорю.

Я в замешательстве из-за утрачиваемых привычек быть среди агрессивной среды, к которой надоело приспосабливаться.

Я в замешательстве из-за разворачивающейся жизни, сияние огней ночной Москвы говорит о том, что мрак у меня в голове, раз вокруг блестит и ослепляет.

Но в голове моей плещется детство крови, разбавленной молоком.

Не хочу я пить этот напиток, с каждым невыпитым глотком детство мое продолжается.

О, как ты недоступен слуху, взгляду, ты словно собака на поводке, таком длинном, что я всегда за углом, а ты далеко, около свободы.

Я держусь за поводок крепко, а разожму, и мы умрем.

Не берегись, родной, не берегись. От свободы поступать не так, а иначе — не уберечься!

Но так ли, иначе ли — везде есть я, и на юге, и на юго-западе, по левую руку и по правую, и в небе, и под землей — взгляд мой исподлобья вопрошает: "Где и когда? Когда и где?"

Отвечает:

— Всегда!

Отвечает:

— Везде!

О чем шепчет вода в реке, леденея?

Чешуя чешется от мороза, — пожаловалась рыба, высовывая голову из-под глыбы, плывущей по Нескучному саду, где я по тебе не скучаю, потому что, став гордой, набираю воздуха в грудь и взлетаю — к свободе твоего поступка.

Там, где окажешься ты, встречу тебя!

Фа, я не хочу их больше видеть, я жить их жизнью не хочу. Я памятью могу обидеть.

Завтра наступит сегодня, и Ли теребит — ты позвонила доктору?

О, да, я ему позвоню — через тридцать минут. Он скажет, что время не ждет. И вколет иглу, и мое молоко по иголке из крови уйдет. Это будет под вечер — красное на белом, румянец на щеках.

Я улыбнусь и всем скажу: "Привет!" Я вновь не только слышу — отвечаю! — И, значит, долго буду быть.

О чем продолжить — чтобы не без смысла? — Продолжить надо начатую фразу про чистый разум. В нем горит печаль.

Утраченная память не сомнется, она висит на плечиках в шкафу, ты выпьешь водки, и она заткнется. Как плохо разговаривать стихами, а понимать и думать, что хочу.

Возможно, в нашем мире нет ничего, что быть хотело б нами.

"Упрямо буду я мочить в сортире
врагов любви, всех тех, кто любит TV,
кто за стеклом...".

Соседа по квартире мотив ворвался в мой прохладный дом. Ритм и размер — все было черте как, вновь мне хромать и фыркать раздраженно, газетой вытирать те зеркала, что отражают загрязненный разум.

Произношу ненужные слова, по Библии читаю про разлуку и напеваю "Пам-парам, пам-пам".

Скука заполонила всю, до чердака....

Я протяну стареющую руку и свет включу. Ты помолчи, пока я раздвигаю медлительные губы, чтобы ребенка в мир впустить и вновь тебя спросить:

— Что с нами завтра будет?

Ведь завтра дети станут с потолка всей твоей жизни — в мир, срываясь, падать. Вместо того, чтобы спускаться лифтом...

Моя радость...

О, не бывает лучше, чем решили.

Жизнь так проста, что некуда в ней думать.

***

P. S.

А лучше взять билет на самолет.
И вместе встретить Старый Новый год.

ХРОНИКА ОТНОШЕНИЙ С ДАВАРИЕМ БУХЕНФОРДОМ

Понедельник, 18 августа

Его зовут Даварий Бухенфорд. Я не знаю, что с ним делать. Звонит в половине первого, спрашивает:

— Какой у тебя код? — и кладет трубку.

Какой код? На всякий случай ответила:

— Двадцать один.

Что теперь будет? Двадцать один — это очко.

Вчера еду, вдруг на капот падает ворона. Мертвая? Торможу, выскакиваю, а она приоткрывает глаз и вежливо так:

— Будь любезна, дорогая, Даварий...— и абзац. Полный.

Чего — Даварий?

Появился он в моей жизни — не вспомню, когда и как. Сразу! Смотрю, а он уже сидит на кухне, пьет друилок и втюхивает мне про вегетативное размножение диетилтринилитураторных вивекирибариев. На что мне это?

— Ты кто такой? — спросила. А он губы трубочкой, воздух втянул и пошел диван пылесосить с недовольным урчанием. Больше у меня нет дивана. Спылесосил.

— Верни диван, гад, — говорю.

Он бровки к ушам отвел и отвечает:

— Претворил!

И бутылку с друилоком протягивает:

— Оттянемся?

Попробовала. Девятые сутки наяву вижу сны последних ночей, проведенных на светлой памяти диване.

Ни смысла в этой истории, ни красоты. Ни конца...

Среда, 3 сентября

Даварий пожаловался на президента:

— Понимаешь, он у меня парторгом был, ходил интеллигентно, в очках, с дипломатом. А теперь в цилиндре. На что ему цилиндр, он же к нему пиджак носит и галстук в крапинку.

— А ты внимания не обращай.

— Да я машинально. Утром он в лайковых перчатках был и брошка, как у тебя. Твоя где? Я дом перерыл — не нашел. — И, удивляясь:

— Ты что-нибудь понимаешь?

А что мне понимать, я у президента свое платье с брошкой вчера сняла.

Даварий сообразил, брови к ушам отвел и спросил:

— А домой ты в чем вернулась?

Как ему сообщить, что я еще не вернулась?

Четверг, 4 сентября

— Даварий, где у тебя парторгом был президент?

— Ты еще про зарплату спроси, — рявкнул Даварий.

— Даварий, а где ты сейчас получаешь зарплату?

— Ты что, уже вернулась? — Бухенфорд стоял в моей ночной рубашке и подщипывал брови рейсфедером.

— Хорошо, — примирительно сказала, — про зарплату можешь не говорить, но вот зачем ты в мою постель залез?

— Кто, я? — Бухенфорд, откинул одеяло — ...ты спал на животе, и рядом лежал мигающий ноутбук.

— Даварий, — сказала я растерянно, — ты бы еще президента рядом положил...

Воскресенье, 15 сентября

Работа у меня — благотворительность. Мне и на жизнь хватает, и на брошенных девчонок с распухшими животами, что таят будущую угрозу для обидчиков. Излишки составляют мой прожиточный минимум, остальные деньги отдаю брошенным с детенышами.

Даварий Бухенфорд, поддерживая в трудную минуту, говорит мне душевные, эротические слова:

— Ты пока не состарилась, тебе полвека, и волосы у тебя до попки, и сексапил, как у нейтронной бомбы, в радиусе двухсот километров. И ты могла бы работать топ-моделью, но зарабатывала бы меньше. Их работа — эротика, а они ее путают с сексом. Ты же занимаешься ею, как занимаются аэробикой. Из удовольствия от красивого тела и любви к искусству!

Раздражает меня этими разговорами неимоверно. Никак не пойму, кто такой Бухенфорд?

Вечно выуживаю его из кабинетов, гостиниц, попранных семейных спален, где он мстит за каждую обиженную выпуклость и впадинку. Одержимый раздвижными ногами, Даварий притворно нежен, добивается встречи то с очередным членом на вырост, то с внезапным бюстом... для трибуны, неизбежно вновь попадает в кабинеты, гостиницы, попранные семейные спальни — где мстит... Вечно выуживаю его.

Даварий, ты кому мстишь? — спросила за чаем.

А он в ответ:

— Я — не кому, я — за кого!

И не понять, сам-то — кто?

Вторник, 24 декабря

— Даварий, пошел бы ты к черту.

— Не груби.

— Даварий, ты притомил меня.

— А ты абстрагируйся.

— Даварий, ну нет у меня больше слов, и вообще...

— Понял! Ты меня полюбила. И нечего переживать, мы не расстанемся с тобой!

О, Господи, — поняла я, — ситуация безнадежна. Что он вообразил?

— Ты что вообразил, что мы станем вести общее хозяйство, делить радости и горе, разговаривать в свободное от жизни время?

И тут Даварий мне все объяснил.

После этого я написала о том, как убила своего сына Андрия, когда была Тарасом Бульбой, и сына Ивана, когда была Иваном Грозным, а когда Любовью Яровой, а потом Марией, помните "Сорок первого"? — своих любимых убила! И во всем была виновата идея. Вот тут-то, обалдевший критик Ефим объяснил мне про Тренева, Лавренева, Гоголя и знаменитого художника, написавшего общеизвестную картину. Но мне отшибло на нервной почве, которую добросовестно создает Даварий Бухенфорд, и я забыла имя художника. Ефим объяснил мне, как я глубоко заблудилась насчет своего авторства, я расплакалась, я сказала:

— Даварий, ты нехороший...

А Ефим сказал, что он — Ефим, а не Даварий.

И тогда я плакать перестала. Потому что — нехороший кто? Человек же — не скажешь о Бухенфорде. А — как? И я спросила у критика, который меня уличил:

— Вы его знаете? Вы видели Давария?

— Да, — ответил Ефим. — Даварий Бухенфорд — это диравитанир бикарамуд фарокидер.

С этих пор я ненавижу критика, Давария, и передвижников, и классическую литературу, в том числе советского периода. И вообще, у меня есть лимонка. На всякий случай.

Южная, 27

Я вернулась к вам, родные камни,
К вам, где в прошлом веке жизнь прошла,
Мой балкон, к тебе... Как часто мама
Вечерами здесь меня ждала.

За дверьми твоими пианино,
Милый "Bekker", коему сто лет.
Грустно смотрят окна из гостиной,
Где давно, где так давно нас нет.

Отзвучали папины романсы.
Мамин чуткий аккомпанемент
Сколько добрых встреч здесь было раньше...
Воск оплыл. Погас родимый свет.

Не урчит здесь больше бормашина,
Чей-то зуб спасая на корню.
Дедушка ко мне волшебным джинном
Не присядет тихо, как к огню.

Чтоб, не снявши белого халата,
Мой задачник пододвинуть: "Ну-с!"
И решить те три задачки клятых,
Над которыми так тщетно бьюсь.

Чтобы растопить потом голландку,
Папу с мамой повстречать теплом,
Чтоб, румяною хрустя баранкой,
Всем нам почаевничать потом.

Чтобы к пианино сесть братишке
За этюды Черни, звуки гамм,
Мамин строгий голос вслед услышать:
"Ты закончишь точно по часам!"

Это было... Это не растает...
Этому по гроб во мне звучать
Под рулады 5-го трамвая
И акаций пряный аромат.

Лина ВЕРБИЦКАЯ.
Одесса — США.

МОНОЛОГ ПУЛИ

Я — Пуля. Обыкновенная. Ну, не совсем. Меня перед тем, как выпускать, центровали, полировали...

Родителей своих не знаю. Многие люди старание приложили для моего рождения. У них цель была — чтобы я точно в цель попадала. Еще и другие цели были. Вот, скажем, на танковом училище, где киллер мой учился, надпись помню. Такими мертвыми буквами: "Наша цель — коммунизм". И как вы думаете, я туда попала? Конечно, нет. А знаете, почему? Они тоже туда не попали.

Как же я без них? И можно ли попасть в то, чего нет и быть не может?

А киллер мой, Фрол, в училище на танке ездить учился. И когда его оттуда выпустили (я не оговорилась — из училища, а не из тюрьмы), вынужден был на "Мерседес" шестисотый пересесть: на всех танков не хватило. Конечно, это не совсем то. Всего триста лошадиных сил, а не как в танке — восемьсот. Но и так жить можно, если я не в сердце, скажем, а в карманчик жилета киллера попала.

Коробочка у меня там клевая. Изнутри бархатом оклеена. Тепло, сухо... Класс! А у Фрола жена есть, а коробочки, то есть трехэтажного домика пока еще нет. Он люкс-мужик все же. А другие? Знала, знала несколько мужчин. Пистолет, например. Или Наган. А Револьвер? Он какой-то странный был. Крутит — то влево, то вправо. Пока в нужную позицию меня не поставит. А потом не стреляет.

Позиция. Оппозиция. Это если левые — "за", то правые — "против". Как у меня с мужчинами. Чтобы разобраться, что к чему, нужно войти в него. А не наоборот.

И Браунинг. О... Интеллигент! То ли еврей, то ли немец. А может, американец? Они все там американцы. Или украинец. Здесь тоже одна на всех национальность. Нет, когда я с Браунингом дружила, Украины как суверенной страны еще не было.

А вот сегодня меня с каким-то странным типом познакомили. Только одни инициалы. Как будто бы имени у него и вовсе нет — "Т. Т.".

— Будем посмотреть, — как говорят в Одессе. Это вам не Браунинг. Никаких штучек интеллигентских.

Не успела я в него войти и как следует что к чему разобраться, он меня уже трахнул. Бойком. Ну, туда, куда надо — в макушку. И я, как пуля (ох, извините, я же — пуля), скажу иначе: и я из дула мгновенно вылетала. Ну "мгновенно", это по-вашему, по-человечески. Посмотрите на себя, какие вы огромные по сравнению со мной! Оттого вам и кажется, что лечу я мгновенно. А для меня в вашем мгновении так много времени заключено, что можно еще хорошенько поразмыслить о житье-бытье. Вот, значит, лечу я и думаю: "Если сердцем вице-премьера мигом овладею... Вы же понимаете, как это серьезно. Он ведь чуть ли не всей страной управляет. И дома жена его с работы ждать будет. А он — нехорошо как-то — со мной. И навсегда...

Фролу тоже угодить хочется. Да нет, не во Фрола, а именно Фролу...

"Т. Т.", "Т. Т." ... Тоже мне: Такой Твердый... Или Такой Тесный? Как правильно будет?

А давай-ка я в глушителе застряну, а? И киллеру моему ничего. Он задаток уже получил. Хоть и не вся сумма, а на один этаж дома все же хватит:

— Техника подвела, понимаете ли...

И страна под присмотром останется. Иначе нельзя. Выборы скоро. Вот и задумаешься тут.

Я — Пуля! А может, уже нет — просто кусок металла, а?..

В. КОВАЛЕВ.

"ПЕППИ?!." С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

"Все мы родом из детства" — сегодня это одна из аксиом человеческого существования. Мы прекрасно усвоили, что все главные уроки жизни — в детстве, что все наши комплексы тоже укоренены там. Кто не помнит первые эмоциональные бури, первые потери, ошибки, обиды? А первые попытки разрешить проблему жизни и смерти, размышления о Боге и Вселенной? Для людей, чье детство было в основном благополучным, годы роста ассоциируются с ощущениями невыразимого блаженства и восхищения окружающим миром. Многим сегодня эти чувства кажутся безвозвратно утраченными. Мы изменились, и мир изменился вместе с нами. Но так ли все безнадежно? Если мы, к примеру, научимся понимать наших детей, то они, в свою очередь, могли бы помочь нам ощутить заново буйство красок и радость познания мира. А проводником всех этих чувств может стать совместная игра, увлекающая в свою стихию и порождающая бесчисленные фантомы и миры.

Режиссер, автор пьесы Георгий Ковтун и композитор Евгений Лапейко, судя по их словам, сделали семейный мюзикл "Пеппи?!." по знаменитой сказке Астрид Линдгрен именно с такой целью.

Описать этот спектакль очень легко. Есть простая сказочная история из жизни одинокой девочки, которая всегда умеет постоять за себя и своих друзей, а также превратить жизнь в непрерывную игру и праздник. Есть музыкальный ряд — точнее, ряд песен и музыкальных номеров, написанных в самых разных жанрах: от оперы до пионерской песни и рока. Всему событийному ряду сопоставлены те или иные ритмы и мелодии. Тандем Г. Ковтуна и Е. Лапейко существует уже давно. Это тандем творческий, скрепленный большой человеческой дружбой. Режиссер искренне восхищен музыкой композитора и передает свою влюбленность в эту музыку постановочными средствами, а композитор всецело доверяет режиссеру и старается выполнить все его творческие пожелания.

Сегодня очень любопытно разобраться, почему мюзиклы, которые завоевывают на постсоветском пространстве все большую популярность, далеко не всегда получаются удачными. Главная причина очевидна — механически перенести рецепты американского успеха на нашу почву невозможно. Другая публика, другие театральные традиции и вкусы. Каждый постановщик сталкивается с этой проблемой сочетания бродвейских технологий с нашей актерской школой и особенностями восприятия нашего зрителя. И на этом пути его ждет немало трудностей и проблем.

Уже после премьеры рок-оперы "Ромео и Джульетта" в Одесском театре музыкальной комедии стало понятно, что ставить современные музыкальные спектакли Георгий Ковтун умеет. Спектакль уже почти два года идет с аншлагами. Это, согласитесь, для сегодняшней одесской театральной ситуации — рекорд. Похоже, что не меньший успех ожидает и "Пеппи?!.". В чем же секрет успеха?

Как мне кажется, главное здесь — индивидуальный авторский подход режиссера к спектаклю. Он не пытается кого-то копировать или использовать готовую технику. Он выбирает тему, которая ему близка, и ставит перед собой творческую задачу, которая ему интересна. Для многих режиссеров такой подход означает отказ от массового зрителя и создание сценических произведений для подготовленной избранной публики. Ковтун, который начинал свою творческую жизнь еще ребенком в цирке, изначально видит театр как массовое представление. Он любит работать с большим коллективом, умеет заразить своими идеями, зарядить своей энергией вначале актеров, а потом — с их помощью — и зрителей.

Вообще, о Ковтуне-режиссере, рассказывая о спектакле, нужно говорить особо. Ну, во-первых, он заслуженный деятель искусств России, лауреат международных конкурсов, балетмейстер по образованию, поставивший за 30 лет постановочной деятельности около 300 балетов (!!!), множество спектаклей других жанров и бессчетное количество хореографических номеров. География его постановок не менее впечатляюща. Сегодня Георгий Ковтун — режиссер Санкт-Петербургского малого академического государственного театра оперы и балета, педагог отделения режиссуры в Санкт-Петербургской консерватории, руководитель собственного камерного театра и т. д. и т. д.

Влияние этого режиссера на собственное сценическое произведение всеобъемлюще. Он создает все, начиная от идеи и образа спектакля до самой мелкой детали; от пьесы, хореографии, художественных и сценографических идей, постановки света, всевозможных трюков и эффектов до необходимой ему техники игры актеров. И каждый из привнесенных им элементов несет осознанную авторскую окраску и может жестко противоречить тем или иным устоявшимся нормам. Стиль спектаклей Ковтуна можно определить как музыкально-пластическое либо музыкально-драматическое (в зависимости от жанра спектакля) выражение полифонии образов, ритмов, типов, психологии современной жизни. Его спектакли перенасыщены движением, действием, красками. Хотя большинство образов, взятых по отдельности, просты и общедоступны. Кому-то пестрая многоголосица и энергетический напор могут показаться чрезмерными, но это восприятие мира художника, ищущего непосредственного соприкосновения с самой сердцевиной, с самой гущей сегодняшней реальности. Он учитывает, что восприятие сегодняшних детей сформировано на американских мультиках и клипах. Потому и юные зрители воспринимают его сценическую форму так естественно.

Художник-постановщик спектакля Григорий Фаер сумел придумать красочное подвижное оформление и костюмы, в которых современные конструктивные элементы, сказочная экзотика существуют неразрывно.

В "Пеппи?!." все действие, все кульминационные моменты и большинство диалогов идут на музыке. Даже в коротких немузыкальных диалогах режиссер сохраняет музыкальную структуру, требуя от актеров не следовать канонам драматической игры, отказаться от импровизированных пауз, оценок, подтекстов, действовать и говорить только в соответствии с четко определенными им задачами. На этом пути в спектакле сегодня некоторые смысловые акценты теряются из-за того, что начинающим актерам, воспитанным на системе Станиславского, сложно распределять свою психическую энергию по четко определенной схеме.

Новый технический уровень принесли в театр радиомикрофоны, специально приобретенные для спектакля. Их освоение тоже требует от драматических актеров и звукорежиссеров специальных навыков управления и регулировки звука. И здесь на премьерных спектаклях можно было услышать огрехи. Все это — неизбежные болезни роста, которые с каждым спектаклем должны и будут преодолеваться.

Пеппи — Татьяна Коновалова, Анни — Александра Цимбалюк, Томми — Ольга Коконцева. Фото Олега Владимирского.

То, что режиссер за несколько месяцев сумел сотворить с актерами Русского театра, кажется просто невозможным. Молодые ребята, только недавно пришедшие на работу в театр, вытворяют на сцене сложнейшие акробатические элементы, прекрасно двигаются, поют, танцуют, играют на музыкальных инструментах. Старшее поколение актеров с энтузиазмом поддерживает молодежь. Небольшие эпизодические сольные выходы Людмилы Агафоновой, Светланы Климовой, Валентины Прокофьевой, Александры Рославцевой, Валерия Жукова часто проходят на аплодисментах. Можно только порадоваться физической форме Народного артиста Украины Андрея Гончара, с упоением играющего отца Пеппи. По праву внимания заслуживают все участники, щедро дарящие свою увлеченность и энтузиазм зрителям. Но начнем по порядку.

Конечно, спектакль с названием "Пеппи?!." не мог бы состояться, если бы на сцене не было создано заразительного и правдивого образа главной героини. Требования к ведущей актрисе в этой постановке архисложные. Она должна не уступать никому из участников, быть в каждом эпизоде заводилой. Пеппи в спектакле поет сложные вокальные номера, постоянно двигается, танцует, делает какие-то акробатические элементы, катается на роликах, летает на веревочной лестнице, перехватываясь на трапецию, жонглирует, играет на скрипке... В программке отмечены три исполнительницы. Но премьеру по праву играла Татьяна Коновалова. Ее Пеппи — настоящий ребячий лидер и фантазерка, воображающая себя морской разбойницей и негритянской принцессой. Это мощный сгусток энергии, увлекающий и втягивающий в свою орбиту все вокруг. Весь спектакль актриса, практически не выходя со сцены, существует в бешеном ритме, заводя партнеров и массовку, а когда доходит дело до лирических переживаний, трогает маленьких зрителей до слез.

Друзей Пеппи замечательно играют ребята из студии, созданной Георгием Ковтуном при постановке "Ромео и Джульетты". Три исполнительницы роли Джульетты Юлия Коровко, Ольга Канонцева и Александра Цимбалюк вместе с юным актером Евгением Погореловым поочередно играют Томми, Анни либо участвуют в акробатических номерах в сцене цирка. Артем Липницкий и Федор Сивцов с большим юмором и задором изображают Лошадь, а также исполняют акробатический клоунский дуэт со стулом. Многих зрителей покорила достоверностью обезьянка в исполнении маленьких Валерии Настюк и Екатерины Марчак... Удачно сыграли обаятельную Фрекен и спели в разных составах молодые актрисы театра Алена Колесниченко и Дарья Пестерева. Эффектный директор цирка получился у Руслана Коваля, обаятельные бандиты Блумтух и Громила — у Дмитрия Жильченко и Руслана Герасименко, колоритный Полицейский у Сергея Носенка…

До сего дня в Одесском русском театре за всю историю был, наверное, только один удачный мюзикл — "Закат" И. Бабеля на музыку А. Журбина (1988 г.) в постановке В. Стрижова и сценографии М. Ивницкого. Но то был по большей части драматический спектакль с хорошо вплетенными в эмоциональные пики действия музыкальными номерами. Появление в репертуаре "Пеппи?!." — новый для театра творческий эксперимент, потребовавший кроме всего больших денежных вложений, спонсорской помощи (генеральный спонсор спектакля — компания "Харрисонс-транс-сервис") и больших организаторских усилий директора театра А.Е. Копайгоры.

Важно, что главная цель этого эксперимента, высказанная на пресс-конференции композитором и режиссером, достигается. Спектакль выплескивает на зрителя очищающую стихию праздника, увлекает всех взрослых и совсем маленьких этой сказочной атмосферой, в которой царят дружба, справедливость, и веселая игра. История Пеппи заканчивается взрослением. Отец возвращается и берет девочку с собой в плавание. Детство заканчивается. Наступает пора первых больших испытаний. Но память о прекрасных и безоблачных мгновениях должна остаться в сердце. Тогда свет из детства, свет ангелов, которых мы все когда-то ощущали рядом с собой, будет поддерживать в трудные минуты и направлять дальнейший путь.

Отдельным сюжетом выстроен финал. Пеппи прощается с друзьями, уходит с отцом в плаванье, занавес закрывается, а затем вновь открывается, и начинаются поклоны — с танцами, песнями, трюками, выходами в зал, летающими воздушными шарами... Пока праздник не достигает точки апофеоза и участники не оказываются под дождем осыпающегося с колосников серпантина. Взрослые зрители, если открыли свое сердце этому потоку радости и добра, надолго получили заряд хорошего настроения и, быть может, лучше стали понимать маленьких людей, растущих с ними рядом. А маленькие пережили свое первое театральное потрясение. Потому что не увлечься героями этой истории, не заразиться ее песенками и мелодиями они не могли.

Вообще, если говорить с точки зрения теории — создатели "Пеппи?!." представляют музыкальный театр развлекательный и одухотворенный, праздничный и проникнутый гуманистическими идеями одновременно. Его смысл в пафосе человеческого объединения, Объединения не на официальных идеологических догматах, не на узко понятом патриотизме, а на вечных идеях любви, мира, свободы, справедливости.

А где же продолжение? — спросите вы. Оно в душах зрителей, в письмах, которые пишут маленькие зрители на каждом представлении, в будущей творческой судьбе актеров. Ну и новая совместная работа Г. Ковтуна и Е. Лапейко, будем надеяться, тоже не за горами.

Елена СТЕПАНКОВСКАЯ.

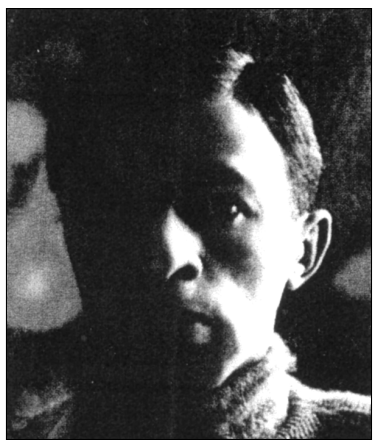
Из книги Георгия Ковтуна "По белу свету..."

"Что есть художник? Догматические нормы, определяющие профессию, или художник, бродящий по краю пропасти, пытаясь удержать баланс своего творческого поиска и не рухнуть со столь тяжелым жизненным грузом вниз. Откуда обратного пути нет? Палитра по своему составу и так не богата яркими дарованиями, но ценность творца в том, чтобы, умело манипулируя имеющимися цветами, найти необходимый колорит создаваемого творения. Умение ремесленника, умноженное на вдохновение, с легкой руки Всевышнего — и картина обретает духовную жизнь, целостность и притягательность поколений".

"С первых дней, периода юношеских постановок, и до сего дня мне нужен "мольберт с красками". Не важна их выразительность, апробированность сценой, важно, чтобы они были перед глазами. И уже отталкиваясь от материала, разрабатываешь идею будущего произведения. Смешивая цвета, стили, эпохи, литературный источник, физические и творческие возможности артистов, учитывая материальные затраты театра, работу с художником, дирижером, заведующими постановочными цехами, рабочими, осветителями, всем огромным механизмом, называемым "Его Величество Театр", ты пытаешься зачать спектакль, как ребенка, и дать ему Свет, дать дорогу, а она — ой как нелегка! Пусть ты уже поработал во многих театрах, в разных театральных жанрах, как постановщик, но всегда остаешься один в поле воин. Каждый артист — это мир, живущий по своим законам, а ты вторгаешься, создавая, разрушая, меняя его устои..."

"Кому поведать, что потребность ставить буквально удушает, мозги раскалываются от сюжетов, безумных идей, но твой внутренний мир не востребован, свежие краски твоей палитры не нужны... А годы идут. И тогда ты встаешь "на крыло", летишь в любые края и веси в поисках работы, рабочей жизни. А небо — облачное и мрачное, путь твой теряется в черноте. Но деваться некуда, и ты летишь, напрягаясь из последних сил, надеясь, что все же выйдешь на солнце, что оно озарит тебя светом, одарит теплом, поможет взойти всему лучшему, что заложено в тебе, и ты выскажешь все то доброе и заветное, что даст твоей жизни смысл".

Сандро Фазини. ФОТОГРАФИИ ХУДОЖНИКА-КУБИСТА

Молодой Сандро.
Одесса, 1919 г.

Очень немногие в России знают об одесско-французском художнике и фотографе, работавшем под псевдонимом Сандро Фазини. Что нам известно, кроме нескольких строчек в биографическом словаре художников русского зарубежья?

Он появился на свет 23 декабря 1892 года по старому стилю (5 января 1893 года по новому) в Киеве, в семье богуславского мещанина Арье Файнзильберга. Одесситы считают его своим: детство и юность художник провел в Одессе. Он был старшим, родители звали его Саня, Саша, Александр.

Постепенно сыновей становилось все больше (четверо), а денег все меньше. (Как шутил Ильф: "Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги".) Отец, мелкий банковский служащий, хочет обеспечить мальчиков надежной профессией. Двух старших он определяет в коммерческое училище. Одолев курс наук, Александр с блеском оканчивает Одесское художественное училище: он прирожденный художник! (Представляете себе разочарование старика Файнзильберга?) По стопам старшего, с тем же результатом, спешит следующий сын — Михаил. (Представляете себе недоумение старика Файнзильберга?) Илью, третьего по старшинству, отдают в ремесленное училище, но, получив звание подмастерья и переменив множество технических профессий, он входит в круг молодых одесских поэтов, сам пишет стихи, а в дальнейшем становится известным московским писателем-сатириком. (Представляете себе изумление старика Файнзильберга?) Угодил отцу только младший: он выучился на топографа.

Родовая фамилия не годится для людей искусства: тяжела и неблагозвучна. "Братья Ф." прибегают к псевдонимам. У Александра — "с итальянским акцентом": Сандро Фазини (S. Fasini). У Михаила — "музыкальный": Ми-фа, потом — МАФ. Илья присоединяет к трем буквам имени первую букву фамилии и становится Ильфом.

Начиная с мая 1911 года, Сандро сотрудничает в популярном одесском журнале "Крокодил". Почти в каждом номере появляются его рисунки, заставки, виньетки, карикатуры, фотоэтюды — иногда до десяти работ одновременно. Он иллюстрирует знаменитые поэтические альманахи 1915 — 1917 годов ("Седьмое покрывало", "Авто в облаках", "Чудо в пустыне"), пишет декорации к авангардным спектаклям, расписывает интерьеры литературно-поэтических кабаре. "В России, — вспоминает он позже, — в прошлые, конечно, годы, у меня была известность, и я зарабатывал большие деньги... Я никогда не был последним и всегда выделялся".

В 1917 году Фазини примыкает к Обществу независимых художников, участвует в их выставках. Рецензенты называют его "кубистом", насмешничают: "В детстве по недосмотру няньки ударился темечком о кубики..."

Рисунки "ультрасовременного" Фазини обильно публиковались в одесских сатирических журналах "Фигаро", "Бомба" и "Яблочко" (1917 — 1918). При большевиках он работал в ЮгРОСТА. Валентин Катаев в повести "Трава забвенья" припоминает "громадный щит-плакат под Матисса работы художника Фазини — два революционных матроса в брюках клеш, с маузерами на боку на фоне темно-синего моря с утюгами броненосцев".

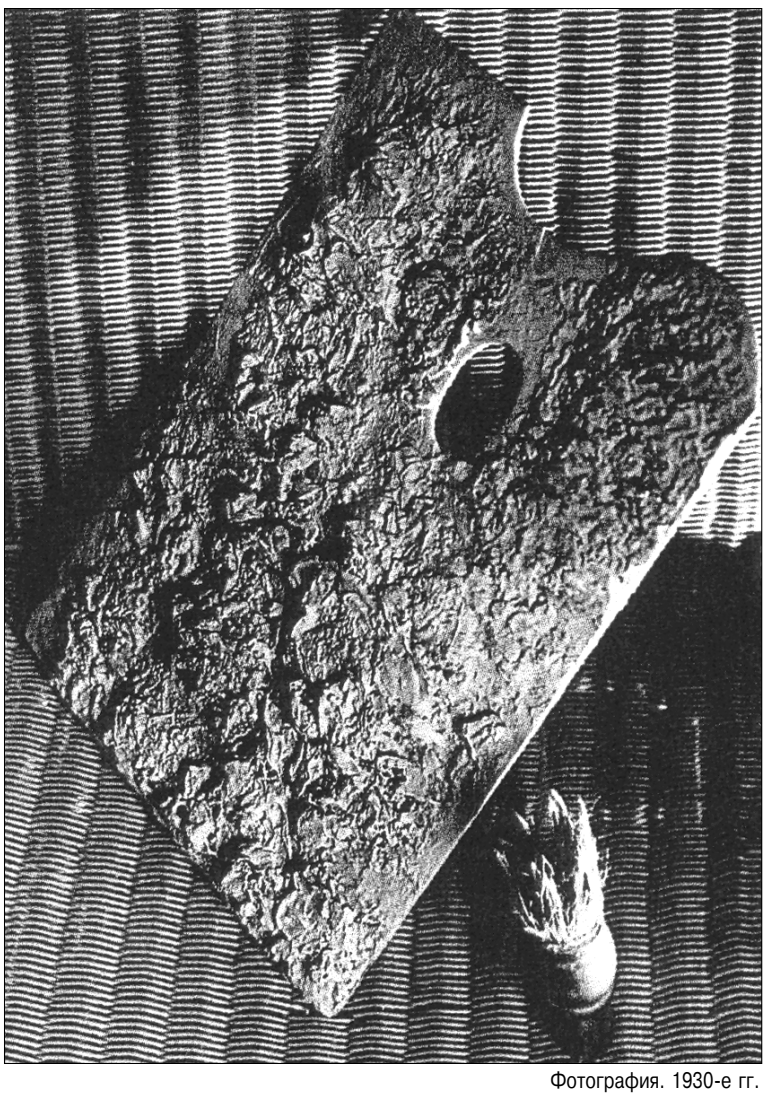
Когда в Одессе настали "окаянные дни", художник эмигрировал. В начале 1922 года он пишет из Константинополя своему американскому дядюшке — просит прислать ему вызов: "К сожалению, сейчас нельзя делать выбора, и выбирать Россию сейчас как поприще — значит выбрать смерть. Представить себе, что такое Россия теперь, человеческому уму невозможно. Это нужно увидеть собственными глазами, и только тогда можно понять".

Но с Америкой не получилось, и Фазини обосновался в Париже — Мекке художников. В городе его мечты тоже оказалось нелегко. В 1927 году отец извещает младших сыновей: "Получил от Сани письмо, из которого заключаю, что его дела незавидные". Тем не менее, к началу 1930-х годов его живопись, балансирующая на грани абстракции и сюрреализма, пользовалась успехом. Современные французские искусствоведы называют Фазини "одним из исключительно интересных мастеров Парижской школы". Его работы экспонировались в Осеннем салоне, Салоне Тюильри и Салоне Независимых, висели бок о бок с полотнами Клее, Люрса и Пикассо в галерее Вавен-Распай.

Илья Эренбург, подружившийся с Ильфом и Петровым, когда они приехали в Париж осенью 1933 года, вспоминал, что Ильф "разыскал своего брата, художника, давно уехавшего из Одессы, тот старался посвятить Ильфа в странности современного искусства". Братья не виделись больше десяти лет.

"Он занимается фотографией, и очень хорошо", — радуется Ильф, сам страстный фотограф, и дарит брату камеру "Rolleiflex". Фазини оценил подарок по заслугам: "Я "Rolleiflex" очень доволен и чувствую, что скоро, скоро начну им делать хорошие фотографии на пластинки". Его друзья напишут потом Ильфу: "Воспользовавшись чудовищной и явно неестественной способностью нового аппарата фиксировать все даже ночью, он снимает друзей, знакомых, обстановку, в театре и на улице, днем и ночью"; или "Саша без памяти фотографирует и для этого мечется по всей Европе. Был в Бельгии, теперь мотнулся в Испанию". Фотосъемки "со все время хлопающим "Rolleiflex" дают реальную возможность зарабатывать деньги: "Саше поручили заснять целый ряд фабрик, производящих разные химические продукты и имеющих свои отделения в нескольких странах, — писала в Москву жена Фазини. — Пригласили его как художника-фотографа модерниста с тем, чтоб все было готово к будущему году к выставке в Брюсселе, где его и "повесят". В июле месяце [1934 года] он снимал фабрики около Парижа, затем поехал в Бельгию, где был в трех городах и тоже хлопал..." В другом письме она сообщает, что муж "получил приказ, довольно лестный, отправиться в Эльзас и Лотарингию похлопать Вашим принесшим ему счастье аппаратом".

Рекламные фотографии говорят сами за себя. Чистая, эффектная работа. Зоркий взгляд. Необычные ракурсы. Необычный выбор натуры. Художник-кубист проявляется и в фотографии. В окружающих ландшафтах он, как и Пикассо в своих фотографиях, ищет четко выраженные геометрические формы у снимаемого объекта. Контрастный свет выявляет плоскости, как бы доказывая реалистическую основу кубистического изображения в живописи. Новую фотографическую эстетику Фазини ищет в новых объектах съемки, характерных в 1920 — 30-х годах в живописи "новой предметности". Фотографические натюрморты напоминают живописные работы художников-кубистов. Игра с формой (шар и куб), фактурой и материалом дает новые средства для его художественного самовыражения в фотографии. Во время участия в живописных выставках вместе с Пикассо наверняка происходило обсуждение художественных возможностей фотографии. Так, съемка Фазини городка с верхней точки превращает нагромождение крыш домов в абстрактный рисунок. Этот снимок созвучен фотографиям Пикассо реальных ландшафтов, в которых художник видел кубистические композиции.

Фотография. 1930-е гг.

В живописи и фотографии Фазини все время находился на переднем крае. Многие его работы очень современны, как будто они созданы в наше время. Фотографии Фазини регулярно печатались в парижском еженедельнике "Vu" за подписью Al Fas. В 1937 году его художественные фотоработы с успехом экспонировались на Международной парижской выставке.

В апреле 1937 года умер Ильф. А 16 июля 1942 года Фазини с женой Азой были арестованы французской полицией. Концлагерь Дранси под Парижем, депортация из Франции 22 июля 1942 года. Оба погибли в Освенциме. Мекка художников обернулась для художника Голгофой.

Нельзя не заметить, что "братья Ф." — пример исключительной одаренности, пристрастие к искусству было у них в крови. Знаменательно, что призванием всех четверых оказалась фотография: Фазини был фотографом-профессионалом, МАФ — любителем, Ильфа мы недавно "открыли" как тонкого лирического фотомастера (см. "Фототехнику и видеокамеры" № 4/2002 г.), а младший, Вениамин, переживший братьев на полвека, оставил отличное фотонаследие — портреты и пейзажи.

Александра ИЛЬФ.

Эйфелева башня. 1930-е гг.

"ЛУКАШЕВСКОЕ СЧАСТЬЕ"

Столбик термометра опустился на два градуса ниже нулевой отметки. Порывисто-холодный норд-ост раскачивал прибрежную часть моря и со злостью бросал на одетую в гранит набережную. Многотонные волны, разбивались на миллионы крупных и мелких капель, брызг, которые, как бриллианты, шурша и расплескиваясь, падали на пешеходную дорожку, заставляя прохожих тесниться ближе к строениям, куда не доставала волна. Шквал ветра, как дикий зверь, угодивший в засаду, застревал в деревьях, пытаясь переломать гибкие, прочные кипарисы и кедрачи, но только сбрасывал на землю старые шишки и жухлую хвою, добавляя дворникам хлопот по их уборке. Шторм принес с собой тяжелые облака, начиненные мокрым, тяжелым, как свинец, снегом, которые разбрасывал на вечнозеленую растительность и здесь же сметал новым порывом ветра, превращая на земле в ледяной панцирь. В такую погоду выходить из дому не хотелось, но заставляла идти служба. Я вышел на улицу вместе с мачехой, помог ей подняться по небольшой лестнице, покрытой гололедом. От института виноделия "Магарач" в нашу сторону направился человек. Одет он был явно не по сезону: в тенниску с открытым воротом, темные брюки и туфли — вот и весь его нехитрый гардероб. При, скажем мягко по-одесски, легком прикиде, он еще был и без головного убора. Человек поравнялся со мной лицом к лицу, но не узнал по причине близорукости и, по всей вероятности, задумчивости. В последнюю минуту он спохватился, мило улыбнулся, сощурив близорукие глаза, и сказал:

— Здравствуй, не забудь: встречаемся сегодня в три, в бильярдной.

— Хорошо. Не "жарко" тебе? — пошутил я.

Он добродушно махнул рукой, и энергично зашагал к кинотеатру "Спартак" и далее по руслу речушки Учан Су в сторону моря. Моя мачеха полюбопытствовала:

— Кто это?

— Знакомый писатель.

— А у меня такое впечатление, что он сбежал из "желтого дома".

Если в "желтом доме" содержат таких гениальных людей, значит, все нормальные там, возразил я. Тамара Федоровна, недоумевая, пожала плечами, поежилась от холода, глядя на удаляющегося моего знакомого, застегнула на все пуговицы свою теплую куртку, надвинула меховую шапку и направилась на троллейбусную остановку. Странно одетый человек дошел вдоль русла реки до гостиницы "Ореанда" и повернул налево вдоль набережной, где бушевал шквал. Редкие прохожие в теплых одеждах, глядя на чудака, вздрагивали от холода и спешили перейти на те улицы, которые были защищены от моря домами и растительностью. Он шел, не обращая внимания ни на шквал, ни на удивленных прохожих. Ему хотелось быть выше этих понятий, жить вне условностей, придуманных человечеством, не доставляя последнему никаких неудобств. Такую процедуру он проделывал ежедневно, вызывая двоякие чувства: недоумение, простое человеческое любопытство — у местного населения и немногочисленных в это время курортников.

Рассказывали мне, что однажды на съезде писателей Украины он появился в трикотажном синем с белой полосой спортивном костюме. Присутствовавший на съезде первый секретарь ЦК Владимир Щербицкий удивленно спросил у своих клерков:

— Кто это?

Клерки растерянно смотрели на "хозяина", не зная, что ответить своему боссу, каким образом появился в зале человек, пренебрегающий правилами этикета, недостойный высокого звания советского писателя. Нашелся секретарь Союза писателей, он сказал, как само собой разумеющееся:

— Та це ж Мыкола Лукаш.

Щербицкий что-то слыхал об этом талантливом, с чудинкой человеке и, улыбнувшись, сказал;

— Ну, что же, ему можно, он сам талант.

Но, к сожалению, такие безвинные штучки не всегда проходили безнаказанно, потому что воспринимались как вызов обществу, и если они не нравились "хозяину", то жестоко подавлялись опричниками рангом пониже. Возьмись кто-нибудь из друзей писателя написать о нем книгу, она была бы трагической. К сожалению, таких становится все меньше, и эта тема сегодня — уже сама по себе историческая.

Представьте, сколько бед легло на голову этого талантливого человека. Детство — раскулачивание семьи, потеря родителей, беспризорщина, болезни, в том числе и туберкулез; война, ранения, исключение из университета и Союза писателей, недопонимание коллег, постоянное безденежье, нужда — вот далеко не полный перечень бед.

Эх, Родина моя, зачем
бесчинствуешь напрасно?
За рубль готова
светлый ум убить,
Заставить плакать понапрасну
И глупость дикую
в науку возводить.

Я подумал; родись этот человек в другой стране, никто даже не обратил бы внимания на такие безобидные причуды гения. Скорее всего, создали бы условия для работы, вознаградили по достоинству материально. Как жаль, что подобное может произойти только в другой стране.

События, о которых я пытаюсь рассказать, происходили в 65 году прошлого столетия, относительно благополучно складывавшемся и для моего героя, и для многих моих сограждан. К этому времени Лукаш перевел "Декамерон" Джованни Боккаччо, "Дон Кихот" Сервантеса,"Фауст" Гете, "Первый удар" Стиля, "Мадам Бовари" Флобера, ряд произведений Виктора Гюго, Генриха Гейне, Роберта Бернса, Джанни Родари, Фридриха Шиллера, Лопе де Вега... Я назвал самых значительных писателей мира, этот список можно было бы продолжить до бесконечности. По большому счету, чтобы сегодня перевести столько произведений, понадобился бы целый институт. В те годы выходило много переводов иностранной литературы на украинский язык, но, к сожалению, большинство из них были сделаны с подстрочника или с русского перевода. Лукаш работал только на языке оригинала. К тому времени изучил около двадцати пяти языков различных групп. Незадолго до нашего знакомства побывал в Индии, где прожил более полугода и выучил два языка хинди. После разговора с Лукашем посол Индии сказал:

— Если бы я не видел лица этого человека, я ни грамма не сомневался бы, что со мной говорит индиец.

Это был один из лучших в то время знатоков мировой литературы. Я уверен: пройдет немного времени и целый институт литературы будет изучать, анализировать, делать научные разработки того, что, как трактор, наворочал Николай Алексеевич Лукаш. Для него не существовало ничего: ни семьи, ни дома — только литература и языки. Сказать, что это было его любимым занятием, значит, не сказать ничего. Он был одержим страстью, выходя за пределы которой становился маленьким и незащищенным человеком. У него даже не было дурных привычек: курить или пить, волочиться за юбками. За всю жизнь он был дважды влюблен, и то неудачно. Первый раз в 1937 году получил отказ от своей сокурсницы. А в 1964 году, когда уже собрался обзавестись семьей, его друг Борис Х. (я не называю его фамилию по этическим соображениям), коллега по перу, увел невесту. Лукаш очень больно переживал разрыв с любимой. Признаться, и мы все, сотрудники Дома творчества писателей, тоже были наслышаны об этой трагедии, но, к сожалению, помочь ничем не могли. Этого господина Х. мне приходилось видеть. Вот уж поистине: "Любовь зла, полюбишь и козла". Женская душа — потемки. По всей вероятности, женщин пугало то, что большая часть времени и любви достанется не им, а литературе. Надо признать, что и характер гения непрост, надо быть декабристкой, чтобы посвятить ему всю жизнь, а он — своей необузданной страсти. А впрочем, живи Лукаш сегодня, при его прямолинейном характере и неумении выкручиваться — помер бы с голоду. Потому что ни в коем случае не согласился бы делать технические переводы инструкций, как пользоваться презервативами, тампонами или работать коммивояжером. Я сделал один небольшой математический расчет: Лукаш написал, перевел около пятидесяти книг, по старым понятиям — тираж не массовый считался в сто тысяч экземпляров. Таким образом, его книг вышло около пяти миллионов. Если учесть, что книга сегодня будет стоить в среднем пять долларов, получается двадцать пять миллионов. И это только на Лукаша, а что же делать остальным? Сегодня, если книга выдерживает тираж десять тысяч, это успех. Как произошло в данном случае. При поддержке СДПУ вышел замечательный справочник — словарь украинской фразеологии Николая Лукаша. Необходимо отдать должное: замечательное издание, достойное этого великого литератора и переводчика, а главное — своевременное. Я перебрал массу справочников, словарей, энциклопедию издания прошлых лет и к большому нашему стыду нигде не встретил ни единого упоминания о Николае Алексеевиче Лукаше, ученом, литераторе и переводчике с мировым именем. Нам придется преодолеть убеждение: если ты подальше от начальства, о тебе можно и не вспоминать. Ведь ты ценишь больше всего свою независимость и не предлагаешь себя, как проститутка на панели. А что общество само вспомнит о тебе — очень сомнительно. К большому счастью, это произошло сегодня. Есть, конечно же, опасность, что все меньше людей увлекается книгой, но я хочу верить, что эта болезнь пройдет и общество по достоинству оценит тот титанический вклад, который внес в мировую литературу Мыкола Лукаш.

У большинства сегодняшних потенциальных читателей на каждом глазу по зеленой бумажке, через которую они могут рассмотреть разве что номинал купюры или ее водяные знаки. Пальцы веером, которые могут держать автомат Калашникова, чтобы уберечь свою конуру или прихватить соседскую. Первый вопрос, который задают мне, вместо "О чем книга?" — "А сколько тебе заплатили?"

Вся наша жизнь приняла такие меркантильные, уродливые формы, что мне так и хочется задать несколько вопросов этим господам:

— Сколько стоит солнечный день, хорошее настроение, симпатичная улыбка случайной прохожей, теплое море, горячее солнце, верная дружба?

Удивительно, что подобные вопросы, "сколько стоит", задают те, у кого денег — куры не клюют. Те же, кто хотел бы иметь книгу, живут в основном с зарплаты в двести гривен или же пенсии и того меньше, для них подобная сумма — большая роскошь.

Но вернемся к Лукашу. Дойдя до середины набережной, он поворачивал и в таком же темпе поднимался в гору, где находился Ялтинский дом творчества писателей. На подобную прогулку уходило около часа. Потом были завтрак и работа. В три я подошел к спальному корпусу, как мы и условились, зашел в большой вестибюль. За телефоном сидела высокая, худая старуха, вдова бывшего министра иностранных дел СССР Михаила Литвинова. Она говорила низким, грудным голосом, с ужасным английским акцентом, в нос.

— Машенка, прышлы мнэ, чтоныбуть почытать, у мэня нычего, кромэ Быблыи, не осталось.

К сожалению, я уже не помню кого звали Машенькой: то ли дочь, то ли внучку старухи; книги, по всей вероятности, она имела в виду на английском языке. Увидев спускающегося со второго этажа Лукаша, старуха спешно прерывала разговор и обратилась к Лукашу на английском, при этом ее глаза светились от удовольствия, что в доме есть человек, который досконально понимает то, что говорит она на своем языке, может быть, с диалектом. Беседа продолжалась недолго, не более десяти минут, корректно, и довольная старуха отпустила известного переводчика, зарядившись от него на весь день хорошим настроением. Мы прошли в другой корпус, где находился бильярд. К нашему огорчению, стол был занят.

— Пошли, прогуляемся, подышим свежим воздухом, может быть, скоро освободится стол, — предложил Лукаш. Мы вышли в парк. Мыкола, напевал модную, только недавно появившуюся песенку:

Стан твій ніжний,
смерековий,
Ти веснянка моя чарівна.

В те годы я еще не бывал в Закарпатье и не знал, что такое смерека. Спрашиваю у Лукаша:

— А какой это — смерековый?

Впереди нас идет изящная, с тонкой талией девушка, диктор столичного радио Джованна.

— Вот точно такой, как у Джованны. Смерека — это высокая, без сучков, сосна, которая растет в Карпатах.

Я к этому могу теперь добавить: которая сегодня хищнически вырубается на берегах рек, что вызывает наводнения. Может быть, пройдет немного времени и подобный вопрос будет звучать риторически. Ах, как жаль...

Мы поравнялись с Джованной, поздоровались, и Мыкола свободно перешел на итальянский.

О чем шла беседа, я мог только догадываться, мне было просто приятно слушать иностранную речь, которую я воспринимал, как музыку. Мне было достаточно того, что мой гениальный спутник в совершенстве владеет этим языком, даже не прибегая ни к жестам, ни к мимике, что любят делать сами итальянцы или те, кто недостаточно хорошо знает язык.

Я рассказал об иностранных языках, о которых я могу судить интуитивно или пользуясь авторитетом знатоков. Мой рассказ был бы никаким, если бы я не рассказал о том, как Лукаш владел родной речью, которую, я могу сказать без преувеличения, знаю несколько лучше, чем наш Премьер и его первый заместитель Николай Азаров. Во всем Доме творчества Лукаш был единственным человеком, который говорил на родном языке, в редких случаях делая исключение, если ему попадался собеседник — неисправимый "москаль". Тогда чистейшая и грамотная русская речь из его уст выглядела смешно и непривычно.

Должен отметить, что даже самые авторитетные русские писатели того времени считали за счастье получить консультации этого большого знатока мировой литературы. Я не буду их перечислять, это почти все постояльцы Дома творчества писателей того времени.

Лукаш не просто составлял украинские предложения с особым литературным смыслом, он одевал слова в вычурные, яркие украинские одежды, похожие на платья, вышиванки, плахты. Создавалось впечатление, что он усиливает не только смысловую, звуковую гамму понятий, но и цветовую, что сделать в писательском творчестве крайне сложно. А он делал это мастерски, виртуозно, как Паганини на скрипке музыку, потому что в совершенстве владел этим непростым писательским инструментом.

На этой оптимистической ноте можно было бы закончить мой рассказ, но мне хочется рассказать читателю о небольших слабостях Лукаша, которые мог знать только человек, общавшийся с гением в быту.

Итак, цель моей встречи в этот день была проста: поиграть в бильярд. Но и в данном случае Мыкола играл по-своему, одной рукой, не подставляя для упора левую. Поговаривали, что это результат травмы, превратившийся позже в привычку. А может быть, просто его кураж. Я знаю, что он дважды был ранен в одну и ту же ногу. А вот что произошло с левой рукой, достоверно до сих пор не знаю. Подобная манера, при всех своих недостатках, давала некоторые преимущества и позволяла достать для удара почти любой шар на столе. Моралист скажет: нашел, чем удивить читателя, игрой — такое примитивное занятие. Должен ему возразить: и в данном случае Лукаш играл творчески, с небольшой демонстрацией; каждый из нас делал по одному ходу, и Лукаш говорил какие у кого камни на руках. Как он этого добивался, мне неизвестно. Но если бы Кио рассказал обо всех своих фокусах, интерес к ним пропал бы.

Да Бог с ними, с фокусами, пусть не пропадает у нас интерес к величайшему литературному наследию Николая Алексеевича Лукаша. Только в таком случае украинский язык займет достойное место в мировой культуре и литературе, тогда никого не придется обязывать говорить на нем. Какой бы ярлык ни приклеивали ему, обязательного государственного, литературного или бытового, научитесь владеть им, как Лукаш — и никакой другой вам не понадобится, без всяких обязательств. Как резюме, я должен заметить: к сожалению, это не каждому дано, и не стоит зря надрываться. Богу — Богово, Кесарю — Кесарево. Не стоит из такого мирного инструмента человеческого общения делать дубину или возводить его в ранг спекулятивной официальной политики.

Евгений НИКОЛАЕНКО.

АНЖЕЛИКА И... ЕВРЕИ

Как-то раз, вернувшись с Московского международного фестиваля в Одессу, мой брат в лицах и красках рассказывал друзьям историю, которая там с ним произошла. Случай, конечно, пустячный, но в аранжировке Сережки — презабавный. Кто-то из знакомых журналистов, торопившихся на деловое свидание, попросил его подежурить у телефона в номере гостиницы. Должны были позвонить от Мишель Мерсье и либо подтвердить, либо отменить заранее назначенное интервью. Ждать пришлось недолго, вскоре раздался звонок. Секретарь актрисы извинился по поводу того, что интервью в назначенное время не может состояться, и присовокупил: "Мадам Мерсье устала и уже в восемь часов ложится спать". Брат очень веселился, завершая свой рассказ фразой: "Вы слышали? Впервые в жизни Мишель Мерсье мне докладывала, когда она ложится спать". Но как бы он ни смеялся, все равно даже этот косвенный, мимолетный, через посредника контакт с известной актрисой французского кино ему нравился. Да и мне тоже. Мелочь, а приятно.

Потому что Мишель Мерсье — не просто француженка, не просто актриса, не просто кинозвезда. Нечто большее. Михаил Жванецкий в одном из самых щемящих своих монологов написал: "Меня никогда не полюбит Мишель Мерсье". И это в то время, когда блистала Бриджит Бардо, чаровала Джина Лолобриджида, были на пике славы Клаудия Кардинале, Элизабет Тейлор — актрисы поразительной, всепобеждающей красоты, ярчайшего таланта и темперамента. Что же заставило Жванецкого среди созвездия блистательных дам, овеянных ореолом великого кино, назвать именно эту, самую незнаменитую среди знаменитых? Могу, конечно, ошибиться, но все же предположу, что Анжелика заставила. Героиня фильма, сыгранная Мишель Мерсье. Фильм появился в советском прокате сначала третьей серией — "Анжелика и король", а затем и первой — "Анжелика, маркиза ангелов".

Кинослава, как, впрочем, и любая другая преходяща. Уже вырослo поколение, которое не заворожено чарами прекрасной графини де Пейрак. Нынче за тридцать тем бесчисленным Анжелам, которые получили свое имя благодаря нашумевшему сериалу Бернара Бордери. И все же до сих пор нет-нет да повстречаешь поклонников фильма и его героини. Года два или три назад ее очень шумно и пышно привечали в Киеве. То есть не героиню фильма, а актрису, Мишель Мерсье. Но в то же время чествовали и великолепную Анжелику. Время от времени тот или иной канал прокручивает сериал в правильной последовательности и без купюр, к чему был не приучен советский зритель. И при этом в анонсах употребляются самые комплиментарные эпитеты и в самых превосходных степенях. А тогда? Не было ни одного советского киноиздания, которое не посчитало бы своим священным долгом заклеймить "Анжелик" критической статьей самого что ни на есть ругательного содержания: "многочастевый балаган", "идол буржуазной массовой культуры", "социологическое явление, лежащее за гранью эстетики". Советский кинопрокат ел "Анжелик", как едят лимон — кисло, но полезно. Фильмы имели огромный успех и приносили очень неплохую прибыль. Публика, как водится, "голосовала деньгами".

Честно говоря, я, например, не знаю, сколько раз смотрела разные серии "Анжелик". Вот про "Черный тюльпан" могу точно сказать — 14. Это, конечно, в кинотеатре. А вот кинопосещения "Маркизы ангелов", "Анжелики и короля", "Великолепной Анжелики" (в советском прокате "Анжелика в гневе") — не знаю, не считала. Последние два фильма — "Неукротимая Анжелика" и "Анжелика и султан" — я видела в просмотровом зале кинотеатра "Одесса", когда советский прокат доживал свои последние дни. Да, не шедевр, откровенно говоря. Но это не помешало мне много лет спустя приобрести кассеты с записью всего "анжеликовского" сериала. ("Султана", кстати, кто-то "засмотрел". Раз книгу "зачитывают", следовательно, кассету "засматривают".) Пожалуй, и не стоит восполнять этот пробел в кинотеке. Хотя все равно жалко — как-никак любимое кино.

Признаваться в том, что "Анжелика" — любимое кино, да еще и любимая книга — не следует. Как не следовало этого делать и тридцать лет назад. Признания такого рода — свидетельство твоего низкого интеллектуального уровня. Кассовый успех — не показатель. Иногда даже наоборот.

Действительно, кассовый успех не может быть критерием качества фильма или книги. Достаточно вспомнить о том, каким спросом кинозрителей пользовалась нелепая во всех отношениях кинолента "Есения" — ее посмотрели 80 миллионов советских людей. Достаточно вспомнить "Богатых, которые тоже плачут", и кучу потерпевших младенцев-девочек, названных Мари-Сабель.

Анжел, впрочем, тоже стоит пожалеть: зря, что ли, появился анекдот, в котором на порог деревенской хаты выходит дебелая молодица и зычным голосом кричит на все село: "Анжела, ходь додому, бо Ричарду треба менять штаны".

Помимо анекдота, "Анжелики" вызывали многочисленные шутки и насмешки почитателей Феллини и Трюффо, особо же высоколобые просто отмахивались, считая это кино "не темой для разговора". Признаться в любви к "Анжелике" означало (и, наверное, сейчас означает) навсегда уронить себя в глазах умных людей, знатоков с хорошим вкусом, хуже того, выразить мнение, отличное от общего, принятого в твоем кругу. Но что поделаешь, правду не скроешь и сердцу не прикажешь. Стоит мне услышать первые аккорды музыки, написанной для фильма Мишелем Манем, лечу к телевизору, хотя и кассету могу поставить в любой момент. Да и книга (само собой разумеется, у меня полная "Анжелика") читана-перечитана неоднократно. Наличие многотомной "Анжелики" на книжной полке не раз и не два удивляло моих гостей, как отечественных, так и зарубежных. Мне же кажется, что интеллектуалы немного лицемерят. Совсем как в известной фразе: "Мужчины только притворяются, что они любят водку, худеньких женщин и Скрябина. На самом деле они предпочитают сухое вино, толстушек и Чайковского". Нужно очень сильно "держать себя за руки", чтобы не поддаться шарму Мишель Мерсье — Анжелики. И шарму книги Анн и Сержа Голон.

Кстати, не стоит мне рассказывать о недостатках этих двух произведений — кинематографического и литературного. Я сама с удовольствием о них расскажу. Особенно о книгах, написанных весьма и весьма неровно. Оставим в стороне исторические и географические ляпсусы — их столько, что об этом можно написать еще одну "Анжелику". Обратим лишь внимание на пару-тройку ляпсусов технических. "Путь в Версаль" и "Анжелика — дорога надежды", похоже, написаны не семейной четой соавторов, а японской фирмой "ногами". В последней книге второстепенный герой на протяжении текста даже меняет пол, превращаясь из мужчины в женщину. Логические нестыковки диалогов украшают буквально каждую страницу. Я грешила на перевод, но прочтя одну из этих книг в английском варианте, пришла к выводу, что отечественный переводчик если и виноват, то не сильней, чем переводчик на английский.

"Анжелика в Новом свете" переводилась добротными советскими переводчиками еще при "империи зла". А там сколько языковых перлов! Вроде того, что "вся драма происходила в голове лошади" или "он грязно ругался в тайной надежде оскорбить ее". Можно, скажите на милость, при ком-то "грязно ругаться", чтобы желание оскорбить при этом осталось "тайной надеждой"?

Было бы нелепо не добавить, что книги полны, мягко говоря, литературными реминисценциями, а жестче — хищениями из малоизвестной беллетристики XIX века, раза два случайно натыкалась на первоисточники. Не говоря уже о том, что сам образ героини — великолепной, победительной, непотопляемой Анжелики — самым откровенным образом "слизан" со Скарлетт О`Хара: "Я подумаю об этом завтра", — говорит себе Анжелика. Точь-в-точь, как героиня "Унесенных ветром" Маргарет Митчелл.

И, тем не менее, зная если не все, то хотя бы многие дефекты и фильма, и книги, не могу не поддаться всепоглощающему шарму этих произведений. Есть в искусстве правила, непознанные искусствоведами. Дюма-отец, на которого коллеги по перу смотрели свысока, Дюма, с которым его "негр" Маке судился за авторство романов, Дюма, не принятый во Французскую Академию, пережил своих современников-"бессмертных" ("бессмертными" называли академиков).

Мишель Мерсье снималась не только в "Анжелике". Она играла у Ф. Трюффо, Кристиан-Жака, Дени де ла Пательера. В фильме последнего "Поворот ручки" Мерсье дебютировала в кино, у него же снялась вместе с Жаном Габеном в покорившей многие сердца ленте "Гром небесный". Сыграла она и в "Леди Гамильтон", и в "Казанове-70", и в "Рычащих годах", была довольно "звездой" итальянского кино на заре своей карьеры. Но осталась в памяти зрителей навсегда Анжеликой, маркизой ангелов, какие бы скверные слова ни говорили об этом фильме в советской кинопрессе и интеллектуальных кругах.

В том придуманном мире, в той игре, которую предлагают нам создатели ее победительного образа все окружающее как бы поверяется Анжеликой. "Анжелика и...". Дальше остается подставлять "...король", "...султан", "...посол", "...поэт", "...пираты", "...вожди". А также французы, венгры, греки, русские, персы, мальтийцы, канадцы, индейцы... И только один досадный пробел что в фильме, что в книге: ни там, ни там не появляется тема "Анжелика и евреи". В жизни Мишель Мерсье, хорошо ли, плохо ли, этот пробел восполнила.

Шесть лет назад в серии "Женщина-миф" была переведена на русский язык книга "Маркиза ангелов, или Разбитое сердце Анжелики", где Мишель Мерсье рассказывает свою жизнь. Ее биография в чем-то схожа с биографией ее героини. В ней то же упорство, та же непокорность судьбе, временами — то же сказочное богатство, временами — потеря состояния. В жизни Мишель были и одиночество, и жестокость, и страшные потери. Бывали чудесные обретения. Когда ей было двадцать, она могла стать женой шаха, но не пожелала. Могла бы начать актерскую карьеру в Голливуде, этой "кузнице "звезд", но не захотела смириться с тамошними нравами. И повторяется мотив: "Я и...". А дальше следуют имена: Чарльз Спенсер Чаплин, Морис Шевалье, Жан-Поль Бельмондо, мадам Эдмонд Ротшильд, Элиа Казан, Марчелло Мастрояни, Орсон Уэллс, Ив Монтан, Ингрид Бергман, Бриджит Бардо, Мишель Морган, Жан Габен, Франсуа Миттеран... И только одним не повторяет Мишель свою героиню: нет в ее биографии Жоффрея де Пейрака. Анжелика пятнадцать лет проводит в поисках обожаемого мужа. Похоже, что Мишель провела в этих поисках всю жизнь. Хотя замужем была. Первый раз — за вторым режиссером, снимавшим знаменитый блокбастер "Бен-Гур". Вот тирада, предшествовавшая ее первому браку:

"В момент оглашения предстоящей свадьбы Уильям объявляет мне, как о пороке, о своей принадлежности к иудаизму.

— Мой отец — протестант, а моя мать — еврейка.

Я злюсь на него и не потому, что он еврей, а за недоверие ко мне.

— Я тебя люблю, Уильям. Какая разница, где ты родился! Меня злит твоя скрытность. Все эти годы ты лгал мне, что-то скрывал от меня. Ты знал, какой ужас вызывает во мне ложь. И ты мне лгал. Ты так мало верил мне и нашей любви?"

Брак оказался, мягко говоря, неудачным. С огромными трудностями получив развод, Мишель Мерсье выходит замуж за Алена Небо, кавалера ордена Почетного легиона, участника Сопротивления, ветеринара, автогонщика, политического деятеля, человека незаурядного во всех отношениях.

"Все улажено. Из любви мы идем на уступки друг другу. Я добавляю:

— Теперь между нами не должно быть тайн.

Мой взгляд говорит о многом, действительно, за несколько дней до свадьбы Ален сообщил мне — я сразу же вспомнила сцену с Уильямом, — что его мать была еврейкой. Какая разница?

— Меня не волнует твое происхождение. Я хочу закрепить наш союз свадьбой, а затем — рождением наших детей.

Он не против детей. Только за всеми фильмами, которые меня ждут, трудно выбрать момент. Мы поговорим об этом позже".

Позже не получилось. Брак с Аленом Небо тоже распался, хотя в нем было много счастливых дней.

И в третий раз Мишель получает предложение — от человека, бесконечного влюбленного в нее и завоевавшего ее любовь.

"Февральские каникулы позволяют нам поселиться на некоторое время в Каннах, на вилле моего жениха... Эти празднества предоставляют удобный случай собрать вместе две наши семьи. Адриан хоть и румын по отцу, но мать у него еврейка. Когда он объявляет мне об этом, меня разбирает неудержимый смех. Решительно, ничего не изменилось по сравнению с Уильямом и Аленом.

Я в восторге от моего свадебного подарка: белый "роллс-ройс". Адриан ведет меня за руку к предмету моих самых сокровенных мечтаний...".

И дальше следует описание любви Адриана к Мишель. Описание их совместных путешествий, вилл, яхт, личных самолетов, подарков, которые он ей дарил, праздников, которые он для нее устраивал. Это все очень похоже на сказку. И на фильм об Анжелике. Только фильм был подкорректирован.

Не судьба была Мишель Мерсье выйти замуж за Адриана, любовь которого сулила ей столько счастья. Жених умер в больнице, у Мишель на руках.

Так закончилась страничка, не дописанная Анн и Сержем Голон — "Анжелика и ее еврейские мужья". Но, может, уже готовится к печати новая книга Мишель Мерсье, великолепной Анжелики. Кто знает, какие еще персонажи появятся в ней? И кому ее секретарь будет докладывать, когда Анжелика-Мишель ложится спать?

Елена КАРАКИНА.

БИБЛИОФИЛЫ НА ПРИВАЛЕ

Когда публика не знала, что "книга — лучший подарок", книги дарили чаще.

О, старые добрые времена! Такой подзаголовок имеет книга **"Искусство комфорта"**. Для предпринявшего этот труд в 1904 г. Генри Говарда "старые добрые времена" простираются с 15 по19 век. Только автора, твердо уверенного в том, что горячую ванну он получит по первому требованию, могла умилять невольная близость к природе, патриархальность домашнего быта и личной гигиены наших предков. Истинные же чувства леди, перебиравшихся через грязную лужу на спине носильщика, барышень, совершавших утренний туалет с помощью кувшина, таза и гувернантки, джентльменов, сносивших тотальное запудривание волос только благодаря специальному футляру, останутся для нас тайной.

Но это все пустяки по сравнению с варварскими средствами личной гигиены средневековых рыцарей. Об "удобствах" замка, о содержимом крепостного рва — не при дамах. Экскурсию в замок с его "комфортом" и гарантированной парочкой фамильных привидений приятно совершать именно на книжных страницах. Чувствуется, что ответственным квартиросъемщикам жилось здесь гораздо менее комфортно, чем привидениям. После знакомства с этой книгой показан просмотр телерекламы бытовых приборов и сантехники — почувствуйте разницу. Но это днем, а ночью... Ночью даже образцовые налогоплательщики получают свою порцию кошмарных снов, которые за завтраком бегло пересказываются домочадцам. Если разбудить вас, читатель, среди ночи и попросить назвать парочку классических монстров, скорее всего, припомните вы:

а) голову Медузы Горгоны,

б) химер собора Нотр-Дам.

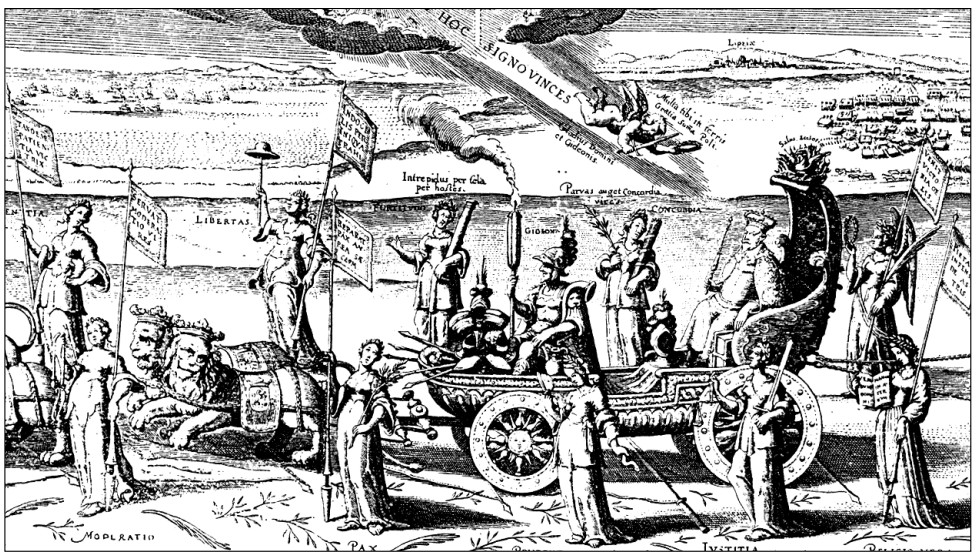
Но вот неким хладнокровным господином Валтоном ни больше ни меньше как 432 экземпляра существ, отмеченных нетрадиционной внешностью, инвентаризованы в книжке **"Монстры в искусстве"**.

Главным поставщиком замысловатых телесных конфигураций были древние, но хитроумные греки. Они пугливо косились на Олимп — что-то вроде коммунальной кухни, где вздорные боги выясняли свои непростые отношения, сопровождая семейные скандалы членовредительством и так называемыми метаморфозами, после которых отдельных участников разборки мама родная не узнала бы. Кроме таких обласканных мировой литературой античных симпатяг, как сатиры и кентавры, на страницах изящного томика присутствуют безымянные порождения болезненной фантазии художников — шалости кисти и резца. Монстры женского рода предусмотрительно сочетают лучшие дамские качества (бюст) с аксессуарами фауны (когти, щупальца, крылья). Этот чудный паноптикум можно рассматривать долго, удивляясь мыслям и ассоциациям, не выходящим, впрочем, из круга популярных политиков, родственников и знакомых, которые он в тебе пробуждает.

На страницах фундаментального труда двух немцев Е. Вишофа и Ф. Мейера **"История убранства празднеств"** тоже хватает драконов, сатиров, тритонов. Но здесь они, запряженные в праздничные колесницы, мирно предоставляют транспортные услуги элитарным клиентам: сначала цезарям Древнего Рима, затем крезам эпохи Возрождения, после — королям галантной Франции. Актеры, исполнявшие роли мифологических персонажей, работали в буквальном смысле, как лошади. В их служебные обязанности входило издавать время от времени львиный рык или другой подобающий случаю трубный глас, поэтому смерть от апоплексического удара была самой распространенной причиной гибели придворных лицедеев как Рима, так и Версаля.

Читателю, вынашивающему наполеоновские планы, пригодятся образцы триумфальных арок и лавровых венков. Все это — атрибуты самых светлых дней жизни. Темная сторона действительности с ее специфическими героями заинтересовала пытливых французов А. Варрена и Э. Трюмо, авторов **"Музея криминала"**. Здесь для любителей правды жизни припасена масса подробностей из истории радикального правосудия. Отражены все этапы возмездия: дознание (испанский сапог, дыба), тюрьма (колодки, солома на каменном полу), казнь (гильотина, четвертование, костер).

Если переживания обитателей тюремных застенков для большинства из нас экзотика, то чувства субъекта, попавшего в руки дантиста или хирурга, известны каждому. Но, когда эти эмоции становятся объектом искусства, рождаются художественные произведения, буквально хватающие за душу. В увесистой монографии П. Ришара **"Искусство и медицина"** представлены все виды неотложной помощи. Наложение рук святого на больное место — самый из них гуманный. Другие, осуществляемые с помощью допотопных инструментов, — настоящий триллер. Тут и средневековый комикс — церковник проводит уникальную операцию по изгнанию мелкого беса, изобретательно сопротивляющегося, и жанровая картинка — на городской площади шарлатан лихо дергает желающим, конечно, без анестезии, зубы... Наиболее "живописным" недугам посвящены отдельные главы. В общем, налицо болезненный интерес знаменитых живописцев к экстравагантным хворям. Закрываешь книгу с чувством человека, вырвавшегося из кресла стоматолога и ярко переживающего заново радость жизни.

Ну, а что каждый второй из нас назовет главной эпикурейской радостью бытия? Конечно, хорошую еду. Настоящий гимн застолью — книжка Шантильона-Плесси с аппетитным названием **"Жизнь за столом"**. Это документальные зарисовки из жизни гурманов всех времен и народов. Все освоенные человечеством способы приема пищи представлены в многочисленных иллюстрациях и добродушных карикатурах. Здесь и многообещающие интимные ужины с дамой тет-а-тет, и бестолковые мужские пирушки с обязательной порчей столового имущества, и банкеты деловых партнеров за круглым столом (идея короля Артура), а также файф-о-клоки, пикники и фуршеты. Наш современник, увы, слишком часто удовлетворяющийся гамбургером, сможет ли он оценить эту настольную книгу гурмана-ветерана?

А все же, кого не увлечет описание выдающихся, эксклюзивных, как сейчас бы сказали, банкетов с приложением протокола — меню. Их внушительную коллекцию (17 — 19 вв.) представляет книга, которая так и называется **"Меню"**. Ах, какая интенсивная художественная жизнь кипела, оказывается, вокруг этих кулинарных боевых листков. Лучшие художники Парижа, не успев смахнуть с бороды крошки утреннего бисквита, плотоядно улыбаясь, уже набрасывали эскиз очередного эпатирующего (это обязательно) обеда или ужина.

В жанре меню родство двух стихий — эротической и гастрономической — афиширует бесстыдными намеками: виньетка, обрамляющая перечень изысканных блюд, — прихотливый орнамент из дамских и свиных ножек; джентльменов, явно утомленных нежными соусами и румяными пулярками, подбадривают не менее аппетитные шансонетки.

Кстати, о любви. Такой мы не знаем, какая практиковалась в "галантном" столетии. Хорошенькие маркизы, переодетые пастушками, в платьях, совершенно непригодных для вечерней дойки, пастушки, пренебрегающие своими служебными обязанностями ради прихоти ушлого маркиза, развязные слуги, нарушающие в спальне хозяйки всякую субординацию, кавалеры, искоса бросающие пристальный взгляд на оглушительное дамское декольте, рогоносцы, приветливо встречающие в своем доме незнакомого молодого человека, — все они запечатлены на гравюрах Ватто, Фрагонара и других мастеров этого специфического жанра. Коллекция озаглавлена нейтрально — **"Галантный музей XIX века"**. Этот альбом в подходящем переплете голубенького шелка — невольное назидание потомкам, слишком озабоченным техникой секса. Инструментарий хваленой любви кавалеров и дам галантной эпохи на удивление незамысловат. Клизма — отличный, оказывается, повод для близкого знакомства с прелестями прихворнувшей красотки, шкаф (вариант — сундук), из которого не вовремя вернувшийся муж извлекает слегка смущенного любовника, лестница — лучший путь к сердцу слишком застенчивой (в дневное время) особы, дамская подвязка, еще более слабая, чем воля ее хозяйки (обе склонны к падению), и, наконец, блоха. Она заслуживает лирического отступления.

Отношение к блохе было терпимым, даже теплым, ее считали кем-то вроде члена семьи, имеющего свои, допустим, странности, но милого. Блохи при такой моральной и материальной поддержке роскошествовали даже и в королевских дворцах вплоть до конца 18 в. И что же? Шутки, дружеские розыгрыши, живейшая помощь дамам в якобы ловле блох на труднодоступном участке платья — все это скрашивало скучный дворцовый быт. Черные точки на дамском декольте считались весьма пикантными. Впрочем, некоторые недотроги покупали блохоловки, поощряя бизнес шарлатанов. Вообще же лучшим средством против блохи считалось церковное проклятие.

Но вернемся к любовной теме. Смешной разврат не таких уж и далеких предков обстоятельно демонстрирует альбом с игривым названием: **"Приподнятое и приспущенное"**. Тут современного наблюдателя больше всего удивит именно то, как споро, действительно, приподнимались в нужную минуту многометровой ширины юбки и приспускались только что вроде бы накрепко зашнурованные корсеты. Снисходительную улыбку нынешнего плейбоя вызовут, конечно, "счастливые возможности" качелей, каретных подножек, крутых лестниц, садовых ручейков.

Фривольный взгляд на дамское исподнее сменяется строгим академическим в кропотливом мужском труде Э. Леоти **"Корсет. Путешествие в веках"**. Компетентность автора, возможно, стоила ему супружеского допроса с пристрастием, но он отстоял свой исключительно научный интерес к предмету, и мы имеем теперь возможность оценить сложность конструкций дамской арматуры всех времен и народов.

После книжки, почти полностью разоблачившей женщин, логично посмотреть ту, где воздается должное мужчинам. Блестящая форма, скрывая скромное содержание, делала военных более удачливыми в ближнем бою за женское сердце. Это заметили еще средневековые рыцари. Секреты их амуниции полностью раскрывают два тома **"Французской энциклопедии быта"**. Размышляя о гигиене рыцаря, многое понимаешь в его психологии. Взять, например, шлем. Считалось, что, увенчанный устрашающими скульптурами, он сильно действует противнику на нервы, но еще больше страдал сам обладатель тяжелого головного убора (до 3 кг). Мало того, борьба за его герметичность привела к грустному побочному эффекту — среди рыцарей начался падеж от тепловых ударов.

Простодушие рыцаря — особая тема. Даром, что весь закован в железо, а душа нараспашку. Так прямо и выкладывал Прекрасной даме: отдам, мол, жизнь за один ваш благосклонный взгляд, присылая барышне для начала свой отрубленный палец в придачу к томику любовных стихов.

О вкусах, конечно, не спорили, а сразу начинали драться. Задачу продвижения к сердцу приглянувшейся особы рыцарь понимал как задачу арифметическую — уложить побольше противников на турнире или в боевом походе. Для этого соискатель только и делал, что повышал свою боеготовность. Конечно, он обретал хорошую физическую форму, но красоту тела скрывали доспехи, к которым рыцарь был слишком привязан.

Чтобы, как полагается, смеясь, расставаться со своим прошлым, человечеству нужно хотя бы приблизительно его знать. Для этого пишется история. Потомков смешат, как правило, самые серьезные печатные труды предков. Но есть в глубокоуважаемом книжном шкафу прошлого заведомо легкомысленные свидетели истории — курьезные книги. Попали они в Одесскую научную библиотеку из частных коллекций одесских меценатов 19 века, а теперь их можете полистать вы, читатель. Для этого нужно лишь прийти в уютный отдел искусств, где хранятся все эти библиофильские радости.

Наталия РОЗАНОВА.

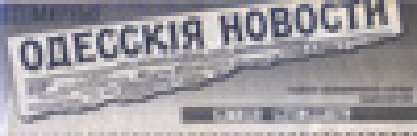
Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса»
(тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство
N 508. Тираж 1000. Заказ N_____ .
газета отпечатана в типографии «СІЧ».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 724-01-35.
www.odessitclub.org.

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ